

**Из старой диаспоры в новую:
к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских мариЙцев
(на материале социолИнгвИстИческого обследования
в мариЙской диаспоре московского региона)**

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Настоящая работа является частью цикла статей, посвященных языковым биографиям представителей мариЙской диаспоры московского региона, в данном случае — уроженцев Республики Башкортостан в выборке. Внутренняя диаспора мариЙцев на территории Москвы и Московской области сформировалась относительно недавно и может быть рассмотрена в качестве *новой* диаспоры, тогда как ареалы расселения мариЙцев в Приуралье и Прикамье, сложившиеся в течение XVI—XVIII вв., являются *старыми* диаспорами, и мариЙцы в них проживают компактно. МариЙский язык — один из ключевых маркеров этнической идентичности в выборке, и его поддержание коррелирует со степенью сохранности границ этнической группы. В связи с этим интересным представляется анализ динамики функционирования этнического языка в условиях перемещения носителей идиома из старой диаспоры в новую. В первой части работы приводятся языковые биографии 18 респондентов, уроженцев Республики Башкортостан: описаны языки внутрисемейного общения, дошкольного воспитания, школьного обучения (язык или предмет обучения), дальнейшего образования; установлены каналы изучения опрошенными русского и мариЙского языков; приводится сопоставительный анализ результатов со сведениями, полученными при составлении языковых биографий *республиканских* мариЙцев в выборке. Во второй части исследуется вопрос актуального использования респондентами мариЙского идиома в московском регионе: установлены сферы употребления мариЙского, определены речевые практики и языковые идеологии опрошенных, а также степень сохранности языка и механизм межпоколенческой передачи языка. Отдельно освещается вопрос бытования этнического языка в культуре, сохранности культуры башкирских мариЙцев и поддержания традиционных мариЙских верований, хранителями которых они себя считают, в условиях проживания группы в московском регионе.

Ключевые слова: мариЙский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, московский регион, башкирские мариЙцы, языковая политика в области образования, семейная языковая политика, речевые практики, языковые идеологии, межпоколенческая передача языка, этническая культура

**FROM THE OLD DIASPORA TO THE NEW ONE:
ON BASHKIR MARIS' LANGUAGE AND CULTURE MAINTENANCE
(RESULTS OF A SOCIOLINGUISTIC SURVEY IN THE MOSCOW REGION MARI DIASPORA)**

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science (Moscow); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

The present work makes part in a series of articles devoted to linguistic biographies of Moscow region Mari diaspora representatives, in this case natives of Bashkortostan in the sample. The Mari internal diaspora in the Moscow region has been formed relatively recently and can be considered a *new* diaspora, whereas the areas of Mari settlement in the Urals and Kama region, formed during the XVI—XVIII centuries, are *old* diasporas, and Mari people live compactly there. Language is one of the key markers of ethnic identity in the sample, and its maintenance correlates with the degree of preservation of the borders of the ethnic group. In this regard, it is of interest to analyze the dynamics of the functioning of the ethnic language following the migration of speakers of the idiom from the old diaspora to the new one. The first part of the work presents the linguistic biographies of 18 respondents, natives of the Republic of Bashkortostan: languages of intra-family communication, preschool education, school education (language of instruction or subject of education), further education; channels for the study of the Russian and Mari languages by respondents; a comparative analysis of the present results with the linguistic biographies of the natives of the Republic of Mari El in the sample. In the second part of the work, the problem of the actual use of the Mari idiom by respondents in the Moscow region is studied: domains of use, the respondents' speech practices and language ideologies, preservation of the idiom and the mechanism of intergenerational language transmission in the sample. Particular attention is given to the language in culture, preservation of the Bashkir Mari ethnic culture and maintenance of traditional Mari beliefs, the guardians of which they consider themselves to be, in the conditions of the group's residence in the Moscow region.

Keywords: Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, Bashkir Maris, language policy in education, family language policy, language practices, language ideologies, intrafamily language transmission, ethnic culture

1. Введение

Почти половина мари́йцев, представителей одного из коренных народов Среднего Поволжья, проживает за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл компактными или дисперсными группами, образуя на территории многонационального государства так называемую *внутреннюю* диаспору, члены которой расселены за пределами основного традиционного места проживания, объединены общим самосознанием и, как правило, сохраняют свой этнический язык в качестве одного из средств общения [ССТ 2006: 57].

Наиболее многочисленной и организованной является мари́йская диаспора Башкортостана¹ [Мари́йцы 2013: 140]. В таблице 1 представлена динамика численности мари́йцев (указана общая численность по стране (РСФСР/РФ)) и приведены данные по Мари́йской АССР / Республике Марий Эл и Башкирской АССР / Республике Башкортостан.

Таблица 1. Динамика численности мари́йцев по итогам переписей населения по регионам [ВПН 2020; Демоскоп]

Численность мари́йцев	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Всего (РСФСР, РФ)	428 001	476 382	498 066	581 082	599 637	643 698	604 298	547 605	423 803
Республика Марий Эл (Мари́йская АССР)	247 979	273 332	279 450	299 179	306 627	324 349	312 178	290 863	246 560
Республика Башкортостан (Башкирская АССР)	79 298	90 163	93 902	109 638	106 793	105 768	105 829	103 658	84 988

Практически три четверти мари́йцев Башкортостана проживают в сельской местности в северо-западной и западной частях республики, где насчитывается более 240 мари́йских деревень. Преимущественно «мари́йскими» районами в Башкортостане являются Мишкинский и Калтасинский, включая население крупных сел Мишкино и Калтасы. Другие районы с высокой плотностью мари́йцев — Бирский, Краснокамский, Шаранский, Балтачевский, Благовещенский, Нуримановский. Более 10 000 мари́йцев — жители Уфы, почти столько же проживают в Нефтекамске, порядка 3000 — в Бирске [Мари́йцы 2013: 140].

В 1950—1980-х гг. вследствие трудовых миграций существенно увеличилась численность мари́йцев за пределами традиционных ареалов их расселения; по данным переписи 1989 г., они проживали фактически во всех административно-территориальных образованиях СССР [Сепеев 2006: 164]. Новые мари́йские диаспоры дисперсного типа сформировались во многих регионах страны, включая московский. В таблице 2 представлена динамика численности мари́йского населения в Москве и Московской области.

Таблица 2. Динамика численности мари́йского населения в московском регионе [Демоскоп]

Численность мари́йцев	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Москва	251	548	н/св	1030	1545	2490	1979	2100	1325
Московская область	586	692	581	1350	2113	2544	2554	2555	1840

¹ Активное формирование данного ареала расселения мари́йцев в середине XVI — первой четверти XVIII вв. было связано с усилением социального и религиозного гнета в Среднем Поволжье, вызвавшего протесты податного населения, в том числе массовое бегство, миграции в Прикамье и Приуралье [Сепеев 2006: 188]. Стремление сохранить веру предков от насаждавшегося в Поволжье христианства побуждало наиболее стойких ее приверженцев переселяться на Урал и в Башкирию, чтобы избежать насильственного крещения. Расселению мари́йцев на этих территориях способствовал ряд факторов. Благоприятные природные условия, схожие с поволжскими, давали возможность переселенцам вести сложившуюся хозяйственную деятельность. В собственности башкирских общин было достаточное количество свободных земель, выделявшихся мари́йцам в пользование или в собственность. Кроме того, царское правительство первоначально не осуществляло контроль за внутренней жизнью башкирских общин. Наконец, коренное население этих земель проявляло религиозную терпимость в отношении культов и верований мари́йцев. В середине XVIII в. в Уфимской провинции насчитывалось 1000 мари́йских дворов. С упрочением позиций царского правительства в Башкирии, изъятием в пользу казны значительного количества башкирских земель миграции мари́йцев в Прикамье и Приуралье сократились [Сепеев 1975: 33, 39, 41—42].

В 2019—2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона с целью выявления и описания функционирования этнического языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время увеличивается количество внутренних диаспор на территории Российской Федерации, особенно в Москве и Московской области в силу экономической привлекательности и перспективности региона. Расширяются межкультурные и межъязыковые контакты, что требует изучения диаспор в лингвистическом плане. Одна из динамично развивающихся диаспор Москвы — марийская.

Выборка является репрезентативной и включает уроженцев Республики Марий Эл, а также мест компактного расселения марийцев на территории РФ. В выборку вошло 106 человек: 100 из них принадлежат первому поколению диаспоры, 6 — второму (о методике обследования, содержании социолингвистической анкеты и некоторых данных общей выборки см. [Куцаева 2022: 117—119]). Восемнадцать опрошенных в первом поколении являются уроженцами Республики Башкортостан: «Мы эрвел марий, мы из Башкирии» (№ 28, М., 47)². В таблице 3 представлен половозрастной состав этой части выборки.

Таблица 3. Половозрастной состав башкирской части общей выборки³

Когорта	Мужчины	Женщины
30—40		4
41—50	3	2
51—60	3	3
61—70	3	

В таблице 4 содержатся сведения относительно длительности пребывания респондентов в московском регионе. Очевидно, что этот параметр зависит от возрастной группы: представители старших когорт переселились значительно раньше, чем опрошенные в младших когортах.

Таблица 4. Длительность пребывания респондентов в московском регионе

Когорта	Количество лет						
	1—3	3—5	6—10	11—20	21—30	31—40	41+
30—40		1	1	2			
41—50		1	1	3			
51—60						5	1
61—70						1	2

Цели, которыми руководствовались респонденты, принимая решение о переезде в Москву, как правило, коррелируют с общими историческими причинами миграций, имевшими место в стране в советский и постсоветский периоды. Представители старших когорт обосновались в московском регионе по окончании срочной службы в рядах Советской армии, учебы в столичном вузе или приехали «строить Москву». Представители средних когорт были переведены в Москву по службе; некоторые респонденты переселились в столицу России, проведя некоторое время в других регионах («на северах на заработках»). Часть, прожив некоторое время в Йошкар-Оле, была вынуждена переехать, чтобы улучшить свое экономическое положение. Некоторые сменили место жительства после вступления в брак. Опрошенные в младших когортах заявили, что они рассчитывали «сменить обстановку», хотели «саморазвиваться», «вырваться куда-нибудь», «покорить что-нибудь».

В других наших работах были изучены лингвистические биографии респондентов, уроженцев Республики Марий Эл, а также представителей уральских марийцев в выборке. Рассмотрение наиболее общих этапов их биографий (языки внутрисемейного общения, дошкольного воспитания, языки обучения и языки как предметы изучения в начальной и средней школе, язык обучения на дальнейшем этапе обучения, языки общения с соседями на малой родине, каналы изучения русского и марийского) позволило составить представление о лингвистическом багаже, с которым опрошенные переехали в московский ре-

² Здесь и далее в тексте в скобках приводятся номер анкеты в общей выборке, пол и возраст респондента. Если это представляется релевантным, указывается район, уроженцем которого является респондент. По умолчанию выдержки из анкет в тексте принадлежат уроженцам Республики Башкортостан в выборке.

³ Здесь и далее в графах приводится число респондентов в когорте.

гион. Вместе с тем необходимо отметить, что в зависимости от места проживания этнической группы изменяется статус языка. Так, в Республике Марий Эл марийский язык (горный и луговой) наряду с русским является одним из государственных [Закон РМЭ о языках, гл. 1, ст. 1]. В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в некоторых официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности, порядок использования языков определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [Закон РФ о языках, ст. 3, п. 4]. Таким образом, в Республике Башкортостан, где марийцы издавна проживают компактными группами, предусмотрено [Закон РБ о языках, ст. 3, п. 2] употребление марийского языка в ряде официальных сфер — в частности, в сфере образования. В местах дисперсного проживания этнической группы, где в относительно недавнее время сложились *новые* диаспоры, за этническим языком официальный статус не закрепляется — одной из таких диаспор является марийская диаспора московского региона.

В связи с этим добавим, что настоящая работа представляет несомненный научный интерес с точки зрения возможности проведения сопоставительного анализа языковых биографий, во-первых, *республиканских* [Куцаева 2022; 2023а] и *внереспубликанских* марийцев, во-вторых, языковых биографий респондентов, проживающих в различных местах компактного расселения марийцев, — на примере уральских марийцев [Куцаева 2023б] и уроженцев Башкортостана. Кроме того, в статье будут рассмотрены вопросы актуального использования респондентами этнического языка в условиях миграции из старой диаспоры в новую; бытования этнического языка в культуре, сохранности языка и культуры. Каждый из этих аспектов будет подробно освещен нами далее.

2. Языковые биографии уроженцев Республики Башкортостан в выборке

В выборке 17 респондентов являются уроженцами сельской местности: десять — Мишкинского района, три — Калтасинского, остальные опрошенные родились и выросли в Шаранском, Бирском, Белебеевском, Нуримановском районах Республики Башкортостан. Десять респондентов — выходцы из небольших марийских деревень, семь выросли в крупных селах (Мишкино, Чураево). Один опрошенный — уроженец городской среды (г. Нефтекамск).

В зависимости от места проживания участников опроса на малой родине несколько изменяется этнический состав соседей в сельской местности. В икско-сюньском бассейне марийцы живут по соседству с башкирами, татарами и чувашами [Марийцы 2013: 140]: «Татары у нас в соседней деревне» (№ 94, Ж., 36, Шаранский район). Прикамские марийцы — рядом с башкирами, татарами и удмуртами: «У нас вся деревня разговаривала либо на марийском языке, либо на татарском языке. Потому что у нас были рядом татарские деревни, и вся жизнь проходила в общении между этими деревнями. С одной стороны были татары, с другой стороны были марийские деревни. Потом шли удмуртские деревни. То есть был такой разнородной⁴» (№ 24, Ж., 61, Калтасинский район). «В нашем районе в основном больше мари, русские были, удмурты проживали достаточно много, татары, мордва проживали. Вот примерно такой контингент. То есть деревнями такие национальности» (№ 25, М., 69, Калтасинский район). Марийцы междуречья Агидели и Уфы соседствуют с русскими, башкирами и татарами [там же]. «У нас полностью марийская деревня. У нас и район там больше на 70 процентов — марийцев, а остальные — и русские, и татары» (№ 71, Ж., 47, Мишкинский район). «Мы вот в таком месте, где в основном живут русские, марийцы, татары. А в нашей деревне только марийцы» (№ 57, Ж., 38, Мишкинский район). Все респонденты идентифицируют себя как этнические марийцы.

⁴ Респонденты ни разу не упомянули о владении башкирским (ср. данные, приведенные в [Баскаков, Насырова 2000: 72], о характерном для Башкирии марийско-башкирско-русском трехязычии). Одна из причин подобного несоответствия видится в проблеме определения лингвистического статуса идиомы, распространенного в этом регионе: северо-западный диалект башкирского или диалектная разновидность татарского (подробнее о дискуссии см. [ДАК; Миржанова 2006]).

Что касается удмуртского, лишь в одном случае самый пожилой респондент в выборке заявил следующее: «А вот поколение моих родителей — все знали точно три языка, и с удмуртами если рядом жили, то и удмуртский знали. Ну вот удмурты, как и татары, тоже марийский не особо! А мари старались как-то языки соседей изучать и с ними общаться на этих языках» (№ 24, М., 69).

Поскольку ни один из опрошенных в выборке не заявил о владении этими языками в старших поколениях семьи и не указал это в собственном наборе владения языками, в работе освещен исключительно татарский язык, который выступал языком межнационального общения в регионе.

2.1. Языки, которыми владели представители старших поколений в семье и респонденты в выборке

В таблице 5 представлен набор языков, которыми владели представители самого старшего поколения (бабушки и дедушки респондентов), поколение родителей и сами опрошенные.

Таблица 5. Набор языков, которыми владели представители старших поколений в семье и владеют сами опрошенные

Набор языков	Поколение бабушек и дедушек	Поколение родителей	Респонденты
марийский, татарский, русский	17 ^{5, 6}	15	9
марийский, русский		3	8
русский			1

Представители самого старшего поколения, бабушки и дедушки респондентов, прекрасно, по их воспоминаниям, владели татарским языком, что было обусловлено близостью проживания (единая деревня с татарским и марийским концами или соседние деревни), наличием тесных дружеских контактов, ведением совместной трудовой и хозяйственной деятельности. «Даже деревня, откуда мои родители, — полдеревни марийская, половина — татарская, представляете?» (№ 29, Ж., 53). «И бабушка, и дедушка владели татарским языком, так как ходили с татарами друг к другу в гости, рядом две татарских деревни Кугарчино и Наратово. По-марийски называются так: Кӧгӧрчен и Пӱнчер. Татарочки завязывали платки на голове двумя близлежащими соседними уголками и шли в гости к нам. Чай попьют и на столе в масло сливочное втыкают серебряную монетку для благополучия, читают молитву» (№ 24, Ж., 61). «Дед знал татарский, по работе общался. Дед был председателем колхоза — поэтому знал» (№ 23, М., 44).

В поколении родителей опрошенных владение татарским в целом сохраняется, уровень владения оценивается некоторыми респондентами как более высокий в сравнении с русским. «Русский — плохо, правда. Русский — ну, знают русский. Знают марийский, естественно. И знают татарский, потому что у нас в соседней деревне живут татары. И они всю жизнь раньше общались, получается, с татарами. Поэтому они на татарском легко разговаривают. Они татарский знают лучше, чем русский» (№ 71, Ж., 47). В трех случаях из 18 в выборке было указано владение марийским и русским (без татарского) ввиду смены места жительства (например, переезда в более крупный населенный пункт с полиэтническим составом населения), отсутствия совместной трудовой и хозяйственной деятельности, дружеских контактов с татарами. «Родители не знали, потому что они не общались с ними и — и всё. Родители работали в колхозе чисто марийском» (№ 23, М., 44). «Бабушка и дедушка владели татарским, а родители — нет. Ну, потому что бабушке и дедушке приходилось общаться с татарами, которые не знают русского языка. Они все рядом проживали. Недалеко. Они просто разговаривали — так, чисто пообщаться. Может, приезжали на какие-то мероприятия, я точно сказать не могу. Родители потом переехали в Мишкино. Родители мои знают такие слова — ну, которые бытовые. Пару десятков слов, может, они, конечно, знают. А так, чтобы разговаривать, — нет. С татарами в школе они по-русски уже» (№ 85, Ж., 30). Возникновение предпосылок для установления и поддержания марийско-татарских языковых контактов и причины угасания марийско-татарского языкового взаимодействия подробно рассматривались нами в [Куцаева 2020a].

В поколении респондентов, с одной стороны, примерно одинаковое число лиц заявило о владении марийским, русским и татарским, что воспринимается башкирскими марийцами в целом как *норма*: «Как нормальный мариец владею тремя языками: марийский, русский, татарский» (№ 91, М., 63). С другой стороны — марийским и русским. При этом собственный уровень владения татарским оценивается респондентами по-разному. Одни указали на *владение* татарским, другие отметили, что *понимают* татарский. Фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением заключается в том, что знание языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков [Беликов, Крысин 2016: 51]. Впрочем, поскольку в непосредственные задачи исследования не входило и не представлялось возможным наблюдение за прямой речью респондентов, а материал ограничивался устными интервью, владе-

⁵ В одном случае респондент затруднился с ответом.

⁶ Относительно *русского* в наборе языков, которыми владели бабушки и дедушки опрошенных, особенно самых пожилых респондентов, необходимо сделать существенную оговорку: владение русским языком было, по словам участников опроса, зачастую слабым, иногда отсутствовало вовсе — у бабушек; дедушки, прошедшие войну, отслужившие в армии, обладали более высокой языковой компетенцией.

ние или знание респондентами татарского (как и марийского) нами не верифицировалось. Кроме того, в большинстве случаев трудно учесть тех, кто действительно свободно владеет языком: свободное владение — зачастую вопрос впечатления или мнения [Dauenhauer, Dauenhauer, 1998: 71—72]. Один респондент, уроженец городской среды в выборке, отметил исключительно русский язык.

2.2. Внутрисемейное общение

Во внутрисемейном общении родители респондентов употребляли преимущественно марийский язык (14 случаев из 18). Кроме того, два участника опроса в этой группе отметили также, что родители, владевшие татарским, использовали его в качестве тайного языка: «Между собой — очень интересно было. Ну так между собой они разговаривали по-марийски, а если какие-нибудь секреты, чтобы мы не понимали, они по-татарски разговаривали! Они-то выросли в другом районе, где они были, там (в деревне. — М. К.) были половину татар, они с детства изучали, общались, а наша деревня — уже полностью марийская!» (№ 29, Ж., 53). В двух случаях из 18 в семьях респондентов, проживающих в крупном населенном пункте в сельской местности, общение родителей было на марийском и на русском: «Между собой — наверное, когда как. В деревне разговаривали на марийском, в Мишкино — на русском» (№ 87, М., 62) (вопрос речевых практик и языковых идеологий в контексте языкового сообщества будет обобщен нами ниже). Еще в двух случаях родители, проживающие в крупном населенном пункте, использовали исключительно русский язык.

В таблице 6 приведены сведения о языках общения респондентов с бабушками и дедушками, родителями, братьями и сестрами — в детстве до школы.

Таблица 6. Языки внутрисемейного общения в дошкольный период

Язык(и) общения в дошкольный период	с бабушкой и дедушкой	с родителями	с сиблингами
марийский	13	14	12
марийский и русский	5	2	2
русский		2	4

Общение респондентов в детстве с представителями самого старшего поколения было преимущественно на марийском языке. Пять опрошенных, по их свидетельству, использовали марийский и русский, что связано с проживанием старших родственников в более крупном населенном пункте, а также попыткой старших общаться на *одном* языке с *городскими* и *деревенскими* внуками (когорта 30—40 в выборке). Данные по языкам внутрисемейного общения опрошенных с родителями схожи с полученными нами сведениями относительно языков их общения с представителями самого старшего поколения в семье — с той лишь разницей, что в ряде случаев марийско-русское двуязычие с бабушками и дедушками уступает место общению исключительно на русском языке и обусловлено проживанием в крупном населенном пункте. Общение респондентов с братьями и сестрами на марийском несколько снижается, и, напротив, увеличивается число тех, кто разговаривает с сиблингами лишь на русском вследствие влияния языка воспитания в детском саду, а также посещения старшими братьями и сестрами школы, проживания в городской среде. В дальнейшем, на этапе посещения респондентами школы, особенно среднего звена, увеличивается доля тех, кто во внутрисемейном общении наряду с марийским языком использует русский. Здесь прослеживается влияние языка школьного обучения и средств массовой информации на речевые практики, а кроме того, стремление со стороны старших расширить употребление русского языка с детьми — в целом это коррелирует с образовательным уровнем и профессиональной деятельностью представителей старшего поколения. «Но с пятого-шестого класса, отец у меня преподаватель русского языка и литературы русской, мы с ним... как говорится, общались иногда и на русском. Не знаю, почему. Более взрослый уже — вперемишку уже было общение. Может, как учитель языка и литературы старался привить нам... более такое, хотя я не знаю, как говорится, но у меня сверстники все говорили на марийском тогда. А у меня как такового, может, поэтому акцента нет» (№ 52, М., 56) (схожие результаты в «луговой» части общей выборки см. в [Куцаева 2022: 142]).

2.3. Период школьного обучения

В таблице 7 содержатся сведения о периоде школьного обучения респондентов: языках обучения и языках изучения (намеренно не включаются иностранные языки, поскольку это не является предме-

том исследования). Лица, посещавшие национальную школу (респонденты старших и средних когорт), не только углубленно изучали марийский, но и обучались на марийском языке. «Я училась в марийской школе-восемилетке. Замечательно было! У нас были учебники ВСЕ на марийском языке, кроме предмета “Русский язык”. Русский входил как иностранный язык» (№ 24, Ж., 61). Исключение составил респондент когорты 41—50, который обучался «в татарской начальной школе на татарском языке», что было, по его словам, совсем не трудно, поскольку деревня была наполовину марийской, наполовину татарской и он с детства был погружен в языковую среду. Семь опрошенных (включая всех респондентов младшей когорты) в начальной школе обучались на русском с марийским компонентом в программе — изучали марийский язык и марийскую литературу. Уроженцы городской среды и с. Мишкино в выборке обучались на русском языке. Добавим, что, по воспоминаниям одной из участниц опроса (когорты 41—50), марийский язык был внедрен в школьную программу в с. Мишкино «уже потом, после нас» (№ 100, Ж., 41). Действительно, другой участник опроса (когорты 30—40), также обучавшийся в мишкинской школе, так рассказывает о своем опыте изучения языков в среднем звене школы: «В классе были смешаны и татары, и башкиры, и марийцы. Мы в свое время изучали марийский язык. Если не ошибаюсь, татары шли на татарский. Башкиры — на башкирский. Это те, кто знал. Делились так. Точно не с первого класса. Может, с пятого-шестого. Но это было недолго, средняя школа. В старших классах уже не было. Плюс, я еще помню, мы изучали башкирский язык, потому что это было обязательно какое-то время. Это было раз в неделю и два года или три, а потом это всё уже прекратилось» (№ 85, Ж., 30)⁷. Учащиеся национальных школ в средних классах переводились на русский язык обучения с сохранением марийского в качестве предмета изучения (марийский язык и марийская литература).

Таблица 7. Период школьного обучения респондентов в выборке:
языки обучения и языки изучения в начальной и средней школе

Когорта в выборке	Языки обучения и изучения в начальной школе			Языки обучения и изучения в средней школе		
	М	М, Р	Р	М	М, Р	Р
30—40		3	1		4	
41—50	2 + 1(Т)	1	1		3	2
51—60	2	3	1		5	1
61—70	3				2	1

Как и в других наших работах, посвященных описанию языковых биографий представителей марийской диаспоры московского региона (см. [Куцаева 2022: 130—131; 2023а: 55]), отметим важный факт, относящийся к периоду школьного обучения респондентов: педагоги использовали марийский язык для объяснения нового материала и в начальной школе, в которой марийский язык выступал лишь предметом, тогда как обучение другим дисциплинам велось на русском, и даже в средней школе — для учащихся национальных школ. «В начальной школе я на марийском и на русском. У нас в деревне была марийская школа. Мы уже с первого класса изучали азбуку на марийском языке. Марийский был как предмет. И так — до 11 класса. Русский как отдельный предмет идет. И марийский язык и литература — отдельно. А математику и на русском, и на марийском мог объяснить учитель. А учебник напечатан на русском. Математика, алгебра, химия — на русском учебники, но они что-то могли объяснять на русском, что-то и на своем, на марийском» (№ 57, Ж., 38). «В средней школе был марийский и русский. Вперемешку, например, химию рассказывал учитель. Он мариец был» (№ 91, М., 63).

Со сверстниками-марийцами на переменах общение было преимущественно на марийском в национальных школах. В смешанных (параллельных) классах с русским и национальным языками обучения учащиеся употребляли русский язык в общении с русскими и русскоговорящими — в том числе и с марийцами, не владеющими этническим языком; использование русского на переменах, как правило, увеличивалось в средних и старших классах школы. Интересным наблюдением поделился один из наших респондентов. «На перемене — ну, там всегда на марийском. Только чисто на марийском, по крайней

⁷ Башкирский язык является государственным наряду с русским в Республике Башкортостан [Закон РБ о языке; Конституция Республики Башкортостан, ст. 1]. В настоящее время сохранение и развитие языков в республике регулируется Государственной программой «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан» [Государственная программа].

мере в мое время. Марийцы с марийцами никогда по-русски не разговаривали. Правда, в школе в старших классах уже на русском. Межнациональный язык общения. С татарами — тоже на русском. То есть мы где массово, то говорили на русском, но, если вот идут два друга, татарин и мариец, со школы домой, по полям да по лесам, ну... соответственно они каждый на своем, и друг другу начинают. Но русский в любом случае встречается. Русский как дополняющий в любом случае» (№ 98, М., 60). «На перемене по-разному. Был среди нас один русский, ну как — он мариец, но он откуда-то приехал, марийский почти не знал. По-моему, даже с Мишкино приехал. Он очень плохо говорил, поэтому мы с ним в кругу друзей, нас было три-четыре человека, друзей близких, мы говорили по-русски. Он к нам приехал в седьмом классе. Поэтому мы с ним говорили по-русски» (№ 52, М., 58) (о возрастающей роли русского языка в качестве языка межнационального общения среди школьников старших классов см. также [Куцаева 2022: 133]).

2.4. Преподавание марийского языка в системе школьного образования в Башкирской АССР (Республике Башкортостан)

В процессе работы над материалами автором статьи был направлен запрос в ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан о предоставлении данных о преподавании марийского языка в общеобразовательных школах районов БАССР и в дальнейшем Республики Башкортостан за период с конца 1950-х гг. по 2007 г., охватывающий школьные годы респондентов в выборке. Из документов Статистического отдела о распределении школ и учащихся по языку обучения (форма Д-7) архивного фонда Министерства просвещения Башкирской АССР были извлечены выборочные сведения (таблица 8) за период с 1970 по 1989 г., поскольку, как было указано в сопроводительном письме сотрудников архива, в ряде случаев — в частности, за период до 1970 г. и после 1989 г. — сведения (форма Д-7) на хранение в ГКУ Национальный архив РБ не поступали.

Таблица 8. Сведения о количестве учащихся в школах с марийским языком обучения в Башкирской АССР за период с 1970 по 1989 г. [НА РБа—з]

Учебный год	Общее количество школ по списку	Число учащихся
1970/1971	151	17 189
1972/1973	н/св (нет сведений), кроме Мишкинский — 37, Шаранский — 14	13 243
1976/1977	117, Бураевский — н/св	9720
1980/1981	н/св, кроме Бураевский — 1	5392
1982/1983	н/св	4783
1984/1985	н/св	5828
1988/1989	н/св, кроме Балтачевский — 10, Калта- синский — 16, Нуримановский — 1	3390

В 1970/1971 г. в 15 районах Башкирской АССР на марийском языке обучалось 17 189 учащихся, из них 149 чел. изучали марийский в 9—10-х классах в двух районах — Мишкинском (53 чел.) и Шаранском (96 чел.). В 1976/1977 г. на марийском языке обучалось 9720 чел., из них в 9—10-х классах марийский изучали 167 учащихся только в Мишкинском районе. В 1984/1985 г. — 5828 чел., из них в выпускных классах: 18 чел. в Илишевском районе, 254 чел. — в Краснокамском, 70 чел. — в Шаранском. В 1988/1989 г. — 3390 учащихся, из них в старших классах: 11 чел. в Благовещенском районе и 43 чел. в Дюртюлинском. Данные таблицы 8 свидетельствуют о стремительном сокращении обучавшихся на марийском языке, при том что рождаемость среди марийцев республики была самой высокой: так, в 1989 г. среднереспубликанский показатель рождаемости составлял 17,8 детей, тогда как у марийцев показатель рождаемости достигал 27,0, значительно превышая рождаемость в других этнических группах [Сафин, Сиразетдинов 2020: 442]. В первую очередь уменьшение числа обучающихся на марийском в этот период было обусловлено сокращением количества школ с родным языком обучения, в целом коснувшимся всех национальных школ Башкирской АССР [Сафин и др. 2022: 357].

Начало русификации образования в РСФСР было положено законом «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), в соответствии с которым родители получили право выбирать школу обучения, в том числе в зависимости от языка. Кроме того, принятие этого закона повлекло за собой серьезный пере-

смотр содержания образования, ответственность за реорганизацию образовательного процесса ложилась на руководство автономий. В результате количество национальных школ в РСФСР, особенно в сельской местности, уменьшалось; снижался возраст, до которого на национальном языке можно было получить образование; процесс обычно шел поэтапно [Беликов, Крысин 2016: 301—302] (см. данные в таблице 9, например, по Шаранскому району, где в 1970/1971 учебном году обучение велось с 1-го по 10-й класс, а уже в 1976/1977 г. — только на начальном этапе). Стандартным лозунгом 1970-х гг. стало достижение национально-русского двуязычия, которое имело целью по возможности быструю унификацию в рамках провозглашенной новой исторической общности — советских людей [там же: 305]. С 1970 по 1989 г. (таблица 8) число учащихся с марийским языком обучения в Башкирской АССР сократилось в пять раз, а в некоторых районах оно достигло рекордных показателей (ср. данные по Шаранскому району в 1970/1971 г. — 1884 учащихся и в 1988/1989 г. — 114 чел.). В таблице 9 содержатся данные за пятилетние периоды с 1970 по 1989 г. по некоторым интересующим нас районам: Мишкинскому, Калтасинскому, Бирскому, Шаранскому.

Начиная с 1990/1991 учебного года в марийских школах родной язык преподавали как предмет, обучение остальным дисциплинам осуществлялось на русском [Сафин и др. 2022: 358], что нашло отражение в языковых биографиях наших респондентов (когорты 30—40), указавших в качестве языков обучения «марийский и русский» на всех этапах обучения, подразумевая под этим изучение предметов «Марийский язык», «Марийская литература» на марийском и изучение других предметов на русском. В 1998/1999 учебном году на марийском языке в Республике Башкортостан обучалось 25,4 % детей марийской национальности (общее их число — 21 178 чел.). В 2001/2002 г. обучение на марийском языке проводилось в 124 школах на начальной ступени образования, в 2009/2010 г. количество таких школ сократилось до 54 основных школ и 39 филиалов, число школьников с родным языком обучения сократилось вдвое [там же: 358].

2.5. Дальнейшее образование

Дальнейшее образование (среднее профессиональное, высшее) респонденты в выборке получали в городах Башкортостана (8 чел.), Йошкар-Оле (5 чел.), Москве (4 чел.) или в других регионах (1 чел.). Пять участников обследования обучались — в их терминологии — «на русском и марийском». Из них два проходили обучение в Йошкар-Оле по творческой специальности — «национальное направление было, поэтому марийский был» (№ 23, М., 44); одна респондентка также училась в Йошкар-Оле «на русском языке и на марийском. Потому что я учитель марийского языка и литературы. И русского языка и литературы. Но, правда, я по специальности отработала три года» (№ 71, Ж., 47). Еще две респондентки являлись студентками национального марийского отделения Благовещенского педагогического колледжа⁸. «После восьмилетки я отучилась четыре года в педучилище. Это тоже в Башкирии было. Город Благовещенск. Я училась на марийском отделении. Обучение на марийском. Были марийский язык и марийская литература, и всё остальное на русском языке, естественно» (№ 24, Ж., 61). «В педколледже у нас только “Марийский язык” и “Марийскую литературу” преподавали на марийском, а все остальные предметы на русском» (№ 57, Ж., 38). Одна из опрошенных позже поступила в Литературный институт им. А. М. Горького в Москве, в марийскую группу, состоявшую из восьми марийцев: «Мы закончили Литературный институт под марийским флагом, так сказать. Нам в институте преподавали марийский язык. Профессор языкознания» (№ 24, Ж., 61). Две другие респондентки в свое время являлись студентками Бирского педагогического института⁹, обучение проходили на кафедрах, не связанных с марийским языком. Отметим, однако, что данное учебное заведение располагает кафедрой башкирской, татарской, марийской филологии [Бирский филиал], некогда был установлен тесный контакт между филологическим факультетом вуза и Благовещенским педагогическим колледжем, осуществлялся обмен методической литературой, проходили совещания по вопросам преподавания марийского языка и литературы [Благовещенский педагогический колледж].

⁸ Марийское отделение в этом учебном заведении было открыто в 1956/1957 г. путем перевода Краснокамского педучилища в Благовещенск и объединения с местным педучилищем [Садиков 2016: 80]. Было выпущено около 1200 студентов. Марийское отделение являлось единственным отделением, которое готовило специалистов для начальных классов марийских школ Республики Башкортостан [Благовещенский педагогический колледж]. В 2015 г. марийское отделение прекратило свою работу [Садиков 2016: 80].

⁹ Марийское отделение филологического факультета Бирского пединститута было открыто в 1993 г. [Садиков 2016: 80], ныне — Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий [Бирский филиал].

Таблица 9. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения в некоторых районах Башкирской АССР [НА РБа—з]

Учебный год	Район	Язык обучения	Общее кол-во школ по списку	В них учащихся			Итого
				В 1—3-х и подготовит. кл.	В 4—8-х кл.	В 9—10-х кл.	
1970/1971	Бирский	Марийский горный ¹⁰	9	726	307	—	1033
	Калтасинский	Марийский луговой	44	2293	3374	—	5667
	Мишкинский	Марийский луговой	43	2152	3150	53	5355
	Шаранский	Марийский луговой	15	732	1056	96	1884
1976/1977	Бирский	Марийский горный	6	458	109	—	567
	Калтасинский	Марийский луговой	18	956	888	—	1844
	Мишкинский	Марийский луговой	30	1511	1589	167	3267
	Шаранский	Марийский луговой	9	251	—	—	251
1980/1981	Бирский	Марийский луговой	н/св	311	—	—	311
	Калтасинский	Марийский луговой	н/св	684	—	—	684
	Мишкинский	Марийский луговой	н/св	1045	617	—	1662
	Шаранский	Марийский луговой	н/св	330	635	—	965
1984/1985	Бирский	Марийский горный	н/св	308	—	—	308
		Марийский луговой	н/св	293	—	—	293
	Калтасинский	Марийский луговой	н/св	636	—	—	636
	Мишкинский	Марийский луговой	н/св	992	77	—	1069
	Шаранский	Марийский луговой	н/св	283	422	70	775
1988/1989	Бирский	Марийский луговой	н/св	187	—	—	187
	Калтасинский	Марийский луговой	16	257	172	—	429
	Мишкинский	Марийский луговой	н/св	1075	396	—	1471
	Шаранский	Марийский луговой	н/св	114	—	—	114

¹⁰ В таблице 9 в столбце «язык обучения» несколько выбивается из общего списка *марийский горный* (в строке «Бирский район») в 1970/1971 учебном году, затем эти данные по языку обучения повторяются в сведениях за 1972/1973 и 1976/1977 учебные годы. В 1980/1981, 1982/1983 гг. в графах о языке обучения в Бирском районе значится уже «марийский луговой», в 1984/1985-м указаны и марийский горный, на котором обучается 308 чел., и марийский луговой, на котором обучается 293 учащихся начальной школы. В 1988/1989 учебном году в Бирском районе языком обучения является исключительно марийский луговой. В другом районе — Татышлинском, — согласно этим сведениям, с 1970 по 1979 г. в начальной школе преподавался марийский луговой, с 1980/1981 учебного года обучение стало осуществляться на *марийском горном* и сохранилось вплоть до 1989 г.

Таким образом, до относительно недавнего времени в Башкортостане по крайней мере в двух учебных заведениях велась подготовка марийских кадров (подробнее о становлении системы народного образования среди марийцев Уфимской губернии и ее дальнейшем развитии см. [Садиков 2016: 64—67])¹¹.

Речевые практики респондентов в период студенчества и проживания в городе в целом характерны и для представителей других этнических групп (ср. данные в чувашском обследовании [Куцаева 2020б: 62, 65, 72]). С марийцами респонденты общались на марийском (как правило, когда «вокруг были одни мари»), русский язык использовался в общей компании, в разговоре с представителями других национальностей. В этой части выборки два участника указали и на употребление татарского в общении со студентами-татарами. «Училась в Бирске. Там, конечно, было больше татар, там я выучила татарский язык. В общаге просто общались на татарском. Волей-неволей учишься понимать. Когда в такую языковую среду попадаешь!» (№ 82, Ж., 32). Второй респондент (№ 28, М., 47) получал высшее образование в другом регионе на русском языке, однако в общежитии также проживал в комнате с татарами, поэтому активно использовал татарский.

В отношении речевых практик опрошенных в городской среде следует сделать важное замечание: выезжая в *город* (районный центр, город), они в большей степени переключались на русский язык в ситуациях, описанных одним из наших респондентов. «В районе там русский город был. Если выезжали, там же как бы надо уважать. Нас же в школе учили, если там есть другие, которые не понимают, надо разговаривать на том языке, который понимают. На русском вот мы и разговаривали. Смотрели же мы на взрослых. Я же, например, с дедом в город ездил, он встретит русского знакомого, начинает с ним по-русски разговаривать, со мной тут же на русском. Смотрю, если дед делает, значит, я тоже так должен делать! Это чисто на интуитивном (уровне. — М. К.), это никто не говорил принципиально, что вот раз ты в город идешь, ты должен разговаривать на русском. Такого не было! Но как бы естественным образом было» (№ 23, М., 44, Бирский район). Как правило, отказ билингвов переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора, как пренебрежение к его коммуникативным запросам [Беликов, Крысин 2016: 22]. Очевидно, что выбор языка в условиях внутригруппового многоязычия далеко не случаен и не является результатом сиюминутного предпочтения [Фишман 2012: 63]. В городской среде неиспользование респондентами *своего* языка объясняется не только желанием угодить собеседнику. Респонденты старших когорт в выборке (61—70) *стеснялись* «выезжать в город» с марийским языком. «В Благовещенске мы пользовались русским, мы стеснялись марийского языка. Как-то тогда было не принято особенно друг с другом разговаривать на марийском языке. Почему плохо двигается марийский язык? Потому что мы стеснялись этого! Мы стеснялись своего акцента!» (№ 24, М., 61). Респонденты средних когорт также отметили, что «старались говорить на русском языке, когда выезжаешь в город» (№ 28, М., 47). В поколении 30-летних участников опроса *стеснение*, о котором говорили представители старшего поколения в выборке, кажется, постепенно уходит в прошлое (возможно, вследствие неуклонного роста миграций марийцев в города, а также проведения языковых реформ в 1990-е гг.), однако модель усвоенных речевых практик все же довольно устойчива. «Потом в город Октябрьский поехала в Башкирии. Там только русский, так как там город, там все по-русски говорят. В общежитии у нас марийский, потому что мы в общаге были одни марийки. Да вроде не стеснялись мы: у нас все ходили и болтали по-марийски на всю улицу прямо!» (№ 94, Ж., 36). О своем стеснении, особенно в подростковом возрасте, употреблять марийский в городской среде говорили и республиканские марийцы, уроженцы сельской местности в Республике Марий Эл в выборке [Куцаева 2020в: 134—135].

¹¹ В другой старой диаспоре — в Свердловской области, где в четырех районах компактно проживают марийцы, подготовка педагогических кадров для марийских школ давно ликвидирована (об этом см. [Куцаева 2023б: 80—82]). Любопытно, что решение о создании заведений «для подготовки учителей мари» в данных регионах (Свердловской области и Башкортостане) было принято одновременно, в ходе I Собрания представителей мелких народностей Поволжья (Казань, май 1917 г.). Делегатами Собрания среди прочего был поднят вопрос о преобразовании с начала наступающего учебного года Бирской инородческой учительской школы и Бирских женских педагогических курсов в Черемисские учительские семинарии, Красноуфимской второклассной учительской школы — в Черемисскую учительскую семинарию [Съезды 2008: 39]. Решение было утверждено на Первом Всероссийском съезде мари (Бирск, июль 1917 г.) [там же: 81]. В 1920 г. Красноуфимская семинария была преобразована в трехгодичные педагогические курсы, в 1921 г. — в Красноуфимский (Урал-Марийский) педтехникум, который функционировал до 1940 г. и подготовил около 400 марийских специалистов прежде, чем был окончательно объединен с русскоязычным педтехникумом, открытым в 1929 г. в том же здании. Других инициатив о подготовке марийских кадров в Свердловской области не предпринималось.

2.6. Речевые практики и языковые идеологии

В основе речевых практик, отношения к языку или в выборе того или иного idioma в качестве языка общения лежат глубинные языковые идеологии. Последние действуют в обществе и передаются по различным каналам, включая учителей, ровесников, семью, СМИ [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 106]. Языковые идеологии настолько укоренены в обществе, что их происхождение часто забывается самими говорящими; они социально воспроизводятся и воспринимаются в качестве совершенно естественных и здравых суждений, тем самым маскируя процессы социальной конструкции в действии [Smith-Christmas et al. 2018: 25]. В выборке один из респондентов, уроженец Мишкинского района, подчеркнул, что пренебрежительное отношение к марийскому языку формировали прежде всего сами педагоги: «Ну, марийский язык... со школы еще учителя все говорили, что “марийский язык вам до остановки. Потом он вам не нужен”. Учителя так говорили все: “Да уедете и забудете про марийский язык”. Ну вот такой слух в школе всегда был, что марийский язык можно не учить. Всё равно до остановки. Ну, да, наверное, так и есть» (№ 72, М., 46). Характерно, что доля марийского населения в Мишкинском районе (включая деревни и поселки городского типа) значительна — 18 038 чел. (71,5 %) в 2010 г.: ср. 21 364 чел. (65,3 %) в 1979 г., 19 827 чел. (69,3 %) в 1989 г., 19 137 чел. (70,6 %) в 2002 г. [Сафин, Сиразетдинов 2020: 445]. В с. Мишкино (как и в с. Калтасы) марийцы составляют абсолютное большинство [Кондрашкина 2008: 135]. При этом в самом с. Мишкино, в представлении наших респондентов, более естественным *считалось* использовать русский язык. «В Мишкино русский язык — ну это райцентр!» (№ 100, Ж., 41). «В Мишкино — многонационально на русском» (№ 72, М., 46). Речевые практики в семье и в широком контексте языкового сообщества в с. Мишкино, судя по воспоминаниям респондента младшей когорты, строились следующим образом: «Между собой — на русском разговаривают! Потому что мы все-таки живем в Мишкино — в самом селе. Там не только марийцы живут, там разные национальности: татары, башкиры, — у нас принято разговаривать на русском языке и поэтому все разговаривают. В школе обучение на русском и на работе — на русском. Если с соседями, то по-русски, а есть одни соседи, они уже в возрасте, на марийском больше. Больше на марийском общаемся с тем, кто уже в возрасте — с бабушками, с дедушками. А с более молодыми — на русском. И в семье у нас на русском всегда с детства разговаривали. Как-то с родителями с детства привыкли общаться на русском. Я и мой брат — мы между собой на русском. А родители между собой со своими братьями и сестрами — на марийском и на русском» (№ 85, Ж., 30) (о схожих речевых практиках в чувашском сообществе в райцентрах в такой же возрастной группе см. [Куцаева 2020б: 82—83]). Опрошенные старших когорт вспоминали и о некоторых трудностях, с которыми приходилось сталкиваться при смене места жительства. «Но в Мишкино всё это — там в основном почему-то даже до сих пор говорят по-русски. Это такое село крупное достаточно. А потом мы переехали, мой старший брат, постарше меня на три года, учился до этого в Мишкино, он уже тяжело переходил на марийский язык, потому что со сверстниками говорили в Мишкино на русском. Мне было проще, как говорится, я был еще маленький тогда» (№ 52, М., 56).

Таким образом, использование марийского языка в значительной степени характерно для марийской деревни, тогда как в более крупном населенном пункте (включая райцентры) типично употребление русского языка. Так, респондент в выборке, уроженец г. Нефтекамска¹², не владел марийским, поскольку в городской среде использовался русский язык, ребенком выезжал в деревню, проявлял интерес к марийскому языку: «С бабушкой так — они отвечали по-марийски, если я не понимала, я просила перевести, сказать по-русски. Даже маму просила, когда в деревне были. Мама скажет что-то, а я ей: “Мама, а по-русски?” Переспрашивала я их тогда. В деревне особенно. Это отцовы родители, в марийской деревне» (№ 19, Ж., 53). Необходимо отметить, что «вывозить детей в деревню летом» в целях передачи этнического языка подрастающему поколению в естественной языковой среде — распространенная практика среди городских марийцев и представителей других этнических групп (см., например, [Куцаева 2020б: 87—88, 133]). В выборке робкие попытки респондентки в детстве использовать марийский со сверстниками обернулись неудачей: «Я общалась по-русски, а потом я как-то подросла немножко и попыталась с подружками по-марийски поговорить. Они меня обсмеяли. То есть у меня говора не было марийского. И я замкнулась в этом. И я даже до сих пор этот момент помню — и какая-то девочка. Представляете, у меня это отложилось до сих пор! Они посмеялись! Видимо, с акцентом. И я даже сейчас чувствую, что у меня нету *акцента* марийского» (№ 19, Ж., 53). Ситуация с миноритарными языками представляет собой дихотомию между идеологией аутентичности, присущей таким языкам, и идео-

¹² В 1970 г. в г. Нефтекамске проживало 2950 марийцев (5,5 % в составе населения города), в 2010 г. — 13 123 чел. (доля составила 9,9 %). Нефтекамск является одним из городов Республики Башкортостан со значительным удельным весом марийского населения [Сафин, Сиразетдинов 2020: 446—447].

логией анонимности, предоставляемой говорящим на больших языках. У последних отсутствует необходимость быть знакомыми со своими собеседниками, иметь аффилиацию и связь с определенной местностью и даже культурой, чтобы быть принятыми другими членами сообщества ([Woolard 2008], цит. по [Smith-Christmas et al. 2018: 159]). Они не имеют тех ограничений, которые в рамках идеологии аутентичности (легитимности) предъявляются *традиционным* носителям, для которых данный язык выступал языком первичной социализации.

В этом смысле влияние идеологии аутентичности часто оказывается губительным для сообщества новых носителей (о новых носителях марийского см. [Куцаева 2021a]), речевые практики которых сталкиваются с неприятием со стороны традиционных носителей, обладающих *опытом* и *авторитетом*. Внутри идеологии аутентичности (легитимности) культивируется связь между языком и принадлежностью к некой социальной и даже этнической группе: традиционные носители в качестве полноправных владельцев наделены полномочиями закреплять *аутентичный* и *настоящий* вариант языка, т. е. языковая аффилиация обусловлена скорее принадлежностью к группе, а не собственно языковой компетенцией; их авторитет признан и другими членами группы [Grenoble, Whaley 2006: 166]. Кроме того, идеологией аутентичности (легитимности) закрепляется связь между языком и определенным местом, точнее отношением между языком и *опытом* определенного места: язык «прикован» к определенной местности, именно здесь и *только здесь* на нем разговаривают. Впрочем, это не просто ассоциация между языком и географической территорией — подразумевается наличие связи между местностью и определенной социо-исторической траекторией [Smith-Christmas et al. 2018: 143]. Сравним приведенные выше высказывания относительно *акцента*: «у меня нету акцента марийского (в марийском. — М. К.)» — наличие «марийского акцента» как твердая привязка к месту, марийской деревне, праву *per se* использовать марийский язык / «общение было вперемешку (...) у меня как такового, может, поэтому *акцента* нет (в русском языке. — М. К.)» — отсутствие «марийского акцента» в большом языке как освобождение от этой привязки, возможность примкнуть к идеологии анонимности, избавление говорящего от ограничений, шанс изменить или замаскировать прежнюю социо-историческую траекторию. Таким образом, зажатый между полюсами аутентичности и анонимности, этнический язык оказывается прикованным к деревне и «вывозить» его в город (и даже райцентр) кажется неуместным (см. транслируемые в самом марийском сообществе идеи относительно того, что марийский понадобится лишь «до автобусной остановки»).

2.7. Каналы освоения респондентами вторых языков — русского или марийского

В заключение раздела о языковых биографиях уроженцев Башкортостана в выборке рассмотрим каналы освоения опрошенными марийского и русского. Языком воспитания и обучения уроженцев городской среды в выборке являлся русский; спорадический интерес к марийскому пробуждали летние поездки в марийскую деревню. Жители райцентров и крупных населенных пунктов в сельской местности с детства были погружены в большей степени в русский язык, начиная с посещения детского сада; марийский являлся дополнительным языком, его слышали от родителей, старших родственников, в марийской деревне. «Дома родители — когда как, вперемешку, и на русском, и на марийском. С бабушкой — на марийском, когда бабушка приезжала, они разговаривали наполовину на русском, наполовину на марийском. Я, естественно, где-то что-то слышал, наверное» (№ 87, М., 58). Основными каналами приобщения к русскому языку у уроженцев марийских деревень, в которых «всё было по-марийски», выступали:

- 1) школьное обучение: представители старших когорт и некоторые участники обследования в средних когортах заявили о том, что до поступления в 1-й класс не владели русским языком и фактически учили его как иностранный;
- 2) общение с городскими детьми, приезжавшими на лето в деревню;
- 3) обращение в сельсовет или фельдшерский пункт («Плюс у нас же врачи, фельдшеры, фельдшерская больница, вот там у нас русские дяденьки и тетеньки работали. С ними надо было общаться, они же приходят там в школу посмотреть малышей» (№ 23, М., 44));
- 4) расположение деревни вблизи райцентра и русских деревень и частые контакты с их жителями;
- 5) миграции в детстве с родителями в другой регион или в город;
- 6) радио, телевидение, кинематограф.

Особое место отводится потреблению культуры на русском языке: радио, телевидение, кинематограф. Представители старших когорт в меньшей степени имели возможность смотреть телевизор («Телевидения не было, один телевизор на всю деревню» (№ 106, М., 58), ср.: «Все понимали русский язык. Потому что все же с детства смотрят телевизор» (№ 82, Ж., 32)) и в ряде случаев — слушать радио («Это потом уже пошло телевидение, вещание на русском языке, а в мое время ничего этого не было! Даже радио местное говорило на марийском языке. Тогда же было обязательное оповещение, и играло радио на

марийском языке. Но в основном у нас песни татарские были, не башкирские. И песни татарские, и разговоры на татарском, и новости на татарском передавали» (№ 24, Ж., 61)). Дополнительная возможность приобщиться к русскому языку предоставлялась в рамках кинопроката: «Но вот еще помню, что тогда смотрели индийское кино. Вот там — на русском! И вся деревня идет смотреть это кино на русском языке. Там, скорее всего... может, не все слова даже знал, но судя по контексту можно было понять» (№ 98, М., 60) (ср. каналы освоения русского языка луговыми [Куцаева 2022: 141—147] и горными [Куцаева 2023а: 56] марийцами в выборке).

2.8. Выводы

Таким образом, анализ языковых биографий уроженцев Республики Башкортостан в выборке позволил выявить некоторые общие места, характерные в том числе для языковых биографий республиканских марийцев: в частности, каналы освоения ими русского и марийского языков; типичные речевые практики, обусловленные языковыми идеологиями аутентичности (легитимности) и анонимности. Общими представляются и проблемы, связанные с функционированием марийского языка в сфере образования, например с сокращением часов, выделяемых на обучение на марийском языке и преподавание марийского в качестве предмета изучения. Вместе с тем, ввиду проживания этнической группы в старой диаспоре, изменяется, во-первых, характер ее контактов с соседствующими народами, что влияет на набор языков, которыми владеют выходцы из Башкортостана (владение марийским, татарским, русским воспринимается как норма, ср. с «луговой» выборкой, в которой лишь некоторые респонденты, проживающие в сопредельных с Татарстаном районах с высокой плотностью татарского населения, заявили о владении татарским). Во-вторых, изменяется юридический статус марийского языка: государственный язык в Республике Марий Эл vs. язык местности проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, — что приводит к некоторому сокращению сфер употребления языка.

Дальнейшие изменения претерпевает этнический язык, функционирующий в диаспоре нового дисперсного типа, сформировавшейся относительно недавно в урбанистической среде. Описанию функционирования языка в диаспоре такого типа будет посвящен следующий раздел работы.

3. Актуальное использование респондентами этнического языка в московском регионе

Темпы языкового сдвига возрастают в условиях миграций, способствующих формированию диаспор [Spolsky 2021: 19], а также урбанизации, обусловленной среди прочего культурными и социальными расслоениями [Austin, Sallabank 2021: 35]. В московском регионе использование этнического языка существенно сокращается, марийский употребляется во внутрисемейной, дружеской, повседневно-бытовой сферах общения, а также в сфере общественной и культурной деятельности, религии. В некоторых случаях опрошенные используют марийский язык и на работе, в неформальном общении с земляками — как правило, в функции тайного языка.

Теория центральных ценностей культуры, сформулированная в [Smolicz 1981] (цит. по [Смолич 2012: 403]), оказывается полезной при осмыслении моделей сохранения, изменения и утраты языков меньшинств в полиэтническом обществе. Сущность теории заключается в том, что не все разнородные элементы (культурные ценности) являются одинаково важными для идентификации людей как членов группы. Некоторые из этих элементов могут быть вовсе утрачены, не подрывая стабильности группы. Утрата других, так называемых *центральных ценностей* (рассматриваемых Е. Смоличем как столпы, вокруг которых организуется вся социальная система группы и вся ее самоидентификация, — они же формируют сердцевину культуры группы и действуют как идентифицирующие ценности, имеющие символическое значение для группы и для участия в ней), может привести к их ассимиляции доминирующей группой [там же: 404].

Ключевыми маркерами этнической идентичности в общей выборке признаны «малая родина» («родная земля», «родина», «предки», «кровь», «рождение», «корни»), «марийский язык», «культура» (знание истории народа, традиций, обычаев, песен и танцев). «Ну, наверное, моя речь. Марийская речь. Марийские песни. Марийские корни. Родственники» (№ 71, Ж., 47). «Язык. Если человек не знает язык, культуру, считай, он теряет свой этот... национальность» (№ 29, Ж., 53). Среди прочих было названо «мировоззрение», охватывающее в том числе и совокупность традиционных взглядов марийцев на природу и Вселенную, взаимоотношение с окружающим миром [Куцаева 2020в: 126—127]. Характерно, что имен-

но последний критерий (на него пришлось 10 ответов из 149, полученных в выборке, — вопрос был открытым и допускал несколько вариантов) был выбран в половине случаев уроженцами Республики Башкортостан, причем не только респондентами, которые являются руководителями марийских молений, но и рядовыми членами диаспоры.

3.1. Культурно-общественная жизнь диаспоры. Языки диаспоры

Марийцы Башкортостана составляют крепкий костяк московского марийского землячества, объединяющего как республиканских, так и внереспубликанских марийцев. Они являются активными его членами и периодически выдвигают своих представителей в качестве лидеров землячества¹³.

Участник обследования, один из старейших членов землячества, основатель Московского городского общества марийской культуры «Онар», человек, по его собственным словам, «с обостренным чувством национального самосознания», так вспоминает о своем опыте «собрать воедино марийцев Москвы»: «Если услышу марийскую речь случайно, сразу вхожу в контакт и телефон записываю! Потому что вообще-то я их всех собирал долгие годы. Где услышишь в метро, я сразу контакты брал, где ездил в поезде, случайно встретился там... или у родственников... поедешь в Башкирию или в Марий Эл: “А у меня там эта учится, а этот работает”. — “Давай телефон!” Я как раз их выискивал и собирал скрупулезно. У меня тогда не было ничего — ни “Контакта”, ни “Одноклассников”, вот так находили случайно!» (№ 25, М., 69). Первые его попытки проведения мероприятий относятся к 1980-м гг., когда были организованы литературные встречи, приуроченные к юбилейным датам марийских писателей и прочих деятелей культуры. «Здесь наши люди учились в Литературном институте, целая группа. Во время Советского союза группами обучались по госпрограмме в Литературном, в Щепкинском. Вот как раз в это время была группа, обучавшаяся в Литературном институте. У них был научный руководитель из Йошкар-Олы, вот от него всё и пошло, когда мы встречались. От него пошел толчок. Одни отучились и уехали, а другие остались. И он уехал, а дело осталось, нужно было проводить встречи, мероприятия, общение. Ну, а я никого вокруг себя не увидел, чтобы изнутри горел, я и подхватил это зная» (№ 25, М., 69). Долгое время, по заведенной традиции, ежемесячно проводились *марий кас*, «то есть марийские встречи, чаепития, посиделки. В прошлый раз мы встречались, чай пили, общались. У нас два языка, марийский и русский. Есть некоторые, особенно с Марий Эл, которые не знают марийский язык. Поэтому иногда приходится по-русски» (№ 25, М., 69).

В настоящее время языком общения на встречах землячества, по нашим наблюдениям, выступают марийский (горный и луговой) и русский. Во-первых, не все лица, посещающие досуговые мероприятия, владеют марийским (марийский в таких ситуациях также звучит, однако употребляется скорее в символической и фатической функциях, чем в собственно коммуникативной). Во-вторых, на встречах собираются представители различных субэтнических групп марийцев (горные, луговые, восточные), они являются носителями идиомов, степень взаимопонимаемости между которыми не всегда, по мнению опрошенных, является достаточной. Однако изучение языковых биографий респондентов позволяет сделать следующий вывод: наличие опыта общения восточных (или луговых) марийцев с горными все же влияет на степень взаимопонимаемости. Ср.: «Я луговых пойму, а горных — я вообще не пойму. Но если по написанию, то я еще догадаюсь, потому что там все равно русские буквы, но чуть-чуть отличаются. Но по произношению я уже не совсем понимаю. С ними мы будем разговаривать на русском языке. Сразу же. Без вариантов. И я расскажу такой интересный случай. Дедушка воевал. И когда уже там, на границе с Германией он случайно встретил человека, спросили: “Ты мариец?” — “Да, мариец”. Начали разговаривать. И ни один друг друга не понимает. Поэтому, даже встретившись в Германии, на войне, два марийца друг друга не поняли. То есть пришлось перейти на русский язык. К сожалению, это так!» (№ 24, Ж., 61). «С горными — ой, так немножко я понимала. Раньше. Потому что раньше, когда я училась, у нас были парни с... этого... ну как их... с Горномарийского района. Но мы с ними, правда, больше общались на русском. Потому что их очень трудно понять, там совершенно... слова такие! Но я мог-

¹³ Большой вклад в развитие марийского землячества внесла Е. Минилбаева, уроженка Башкортостана, единственная женщина, занимавшая пост руководителя землячества. По воспоминаниям, Е. Минилбаева, будучи профессиональным журналистом, умела выстраивать отношения с людьми, умела слушать и подсказывать. «В большом городе для человека, часто приехавшего из глубинки, такое качество руководителя — одно из самых ценных. Она умела раскрыть талант другого человека, многие наши “артисты” вышли на сцену благодаря ее вере в них. Елена умела организовывать мероприятия, от небольшой встречи в библиотеке до большого городского праздника “Пеледыш пайрем”» (№ 50, Ж., 53, уроженка Республики Татарстан в выборке). Безвременно ушедшая в 2020 г., Е. Минилбаева оставила о себе добрую память в сердцах марийцев Москвы.

ла там что-то понять, какие-то слова, но.... Но чтобы прямо — “от и до” понимать — это очень тяжело! Горномарийский язык не немножко даже, а вот очень хорошо даже отличается!» (№ 71, Ж., 47). «Горных понимаю. Языки похожи. Как украинский и русский. Почти 80 % можно понять» (№ 25, М., 69).

В рамках культурных инициатив землячества и частных инициатив наиболее активных членов марийской диаспоры проводятся концерты с приглашением звезд марийской эстрады, театрализованные представления, спектакли. Ежегодно в летний период в одном из московских парков организуется «Пеледыш пайрем» («Праздник цветов»), праздник советского времени, соединивший в себе элементы традиционных марийских *Агавайрема*, *Семыка*, *Сүрема* и широко отмечаемый в Республике Марий Эл (см. восприятие этого республиканского праздника глазами уроженца Башкортостана в выборке: «У нас здесь, кстати, в Москве, “Пеледыш пайрем” делают. Ну вот... мы ходили. В Мишкино... там, скорее всего, это называется “Сабантуй”, он просто больше башкирский. “Пеледыш пайрем” — это в Марий Эле» (№ 85, Ж., 30)). Кроме того, респондентам доводилось принимать участие в кулинарных мастер-классах, объединяющих представителей разных субэтнических групп: «Мы вот собираемся со своими земляками в Москве. Есть у нас и из Марий Эл, и еще из разных других регионов. Бывает, что готовим. У нас разные рецепты. Готовим вареники свои местные. С Марий Эла кто, у них другие немножко. А у нас свои немножко. Вот мы делаем с творогом, но соленые. С творогом, с луком, с зеленью. Соленые. А вот в Марий Эле готовят: творог и картошку смешивают начинку. Для них наши тоже новинка такая, они так не делают ведь!» (№ 85, Ж., 30). Языками общения на таких мероприятиях, по свидетельству участников, также являются марийский и русский. Нередко приготовление блюд по традиции сопровождается исполнением марийских песен.

С 2009 по 2012 г. в Москве на базе Поликультурного центра по субботам функционировали курсы марийского языка, преподавателем был дипломированный специалист, представительница башкирских марийцев, которая переехала на постоянное место жительства в Москву. Организация учебного процесса осуществлялась на основе литературной нормы лугового марийского языка. Помимо собственно учебной деятельности, учащиеся разучивали песни, проводили кулинарные мастер-классы, ставили театральные постановки. Подчеркнем, что курсы марийского языка являлись не только центром изучения марийского, но и местом притяжения для московских марийцев, особенно для тех, кто лишь недавно переселился в московский регион и находился в стадии адаптации. «Наверное, вот такие встречи, как у нас, помогают людям, которые в первый раз приезжают в большой город и не знают где чего. А тут ты натыкаешься на своих. И ты понимаешь, что ты тут не один!» (№ 57, Ж., 38). Одна из постоянных слушательниц курсов, уроженка Башкортостана, поделилась своим опытом посещения курсов: «Раньше были курсы марийского языка, хотя я знаю марийский язык. Я, например, ходила как бы пообщаться на марийском с людьми, потанцевать, ставить спектакли и просто побыть в атмосфере. Когда я приехала только в Москву, тогда и ходила. У нас всё было там очень интерактивно: чаепития, спектакли и много чего организовывали и для детей, и для взрослых. Тогда я была очень молода, мне хотелось адаптироваться, у меня был как раз период адаптации к Москве, к людям. Найти более близких людей, которые могут поддержать. Даже не то чтобы поддержать, а просто пообщаться и забыться. О тоске по родине, наверное. И тогда все горело каким-то желанием, все были молодые, студенты и те, которые только закончили институт. И как-то было энергии много, драйва было много» (№ 82, Ж., 32). Спустя три учебных года курсы прекратили свое существование из-за семейных обстоятельств педагога, а также, вероятно, ввиду того, что в составе слушателей «приоритеты поменялись, кто-то уже на повышение пошел, кто-то замуж пошел, кто-то женился или еще что-то» (№ 82, Ж., 32) и инициатива продолжить курсы не была подхвачена другими. Запросы на возобновление курсов марийского в Москве все же сохраняются: бывший преподаватель курсов регулярно получал сообщения через социальные сети с просьбой восстановить работу курсов, поступали предложения о проведении частных занятий, однако в силу разных причин этого не произошло¹⁴.

3.2. Религиозная жизнь диаспоры. Сакральная функция марийского языка

Как было указано во вводной части статьи, одной из причин формирования диаспоры марийцев Башкортостана являлись религиозные гонения, попытка насильственного обращения марийцев в православие (о сущности марийской традиционной религии см. [Шкалина 2019]). Большая часть *чимарий* (букв. ‘настоящих, истинных’, т. е. некрещеных марийцев) — более ста тысяч человек — проживала к началу XX в. в Башкортостане [Марийцы 2013: 297]. Несмотря на гонения при царизме и последу-

¹⁴ Курсы марийского языка открылись в Москве в Доме народов России в октябре 2023 г., преподавателем является уроженка Республики Марий Эл, носитель лугового марийского.

ющие притеснения при советской власти (за исключением периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет, когда были разрешены коллективные моления [Попов 2002: 96]), марийские традиционные верования в Башкортостане в целом сохранялись. «Неважно, какой строй на улице, а дома никто не помешает! В советское время дома всё делали: обычаи, традиции, свечи дома ставили» (№ 25, М., 69). «В советское время никаких рощ не было. Всё запрещали, всё было закрыто! Если кто-то ходил, то тех на партсобраниях чистили. Даже партийных работников исключали сразу! У нас это было под запретом. Но у меня дед топил печку, сидел рядом с печкой, надевал вот эту самую... шляпу, форму вот эту. У нас одежда была белая. Сидел рядом с печкой и начинал читать молитвы, кидал туда, я помню, блинчики. Обязательно с утра испекут, рано-рано, пока еще спят (дети. — М. К.). Блины, молоко принесут, и вот кидают всё в огонь, и приговаривается, и читается молитва. Вот у меня дед все праздники, ни одного праздника не пропускал. Сидел и читал молитвы, когда всё было запрещено. И я помню, и слова какие он произносил, маленькая хотя была. Мне очень нравилось: огонь горит, дед сидит. А потом еще и трубку закурит» (№ 24, М., 61). Респонденты в башкирской части общей выборки называют себя *чимарий*: «У нас своя вера марийская. *Чимарий* это. Русские нас считают язычниками, но мы себя язычниками не считаем! У нас... мы не ходим никуда в церковь. В основном после сорока лет, с возрастом воспринимается вера. Нам уже хочется ходить в *күсото*, где молятся, — в святые рощи» (№ 29, Ж., 53).

Именно в среде башкирских марийцев в выборке выдвинулись руководители марийских молений: «У нас несколько названий по времени. Это *арвуй* — с древних времен идет, про нас РПЦ писали, что *арвуй* кудесничают — чародейничают якобы, народ якобы совращают от религии. Есть еще название — *карт*. Им не становятся. Его не выбирают на собрании. Если Бог кого по голове погладит, значит, станешь. Ты уже не сможешь не стать» (№ 91, М., 63). По их инициативе в московском регионе (в парке «Коломенское», в лесной зоне под Истрой, Дмитровым, Сергиевым Посадом) с 2015 г. весной и осенью проводятся моления *кумалтыш*. Во время пандемийных ограничений домашние моления проводились и по телефону. «Слова молений — всё на марийском. Многие вещи у меня передавались в роду. Слова молитв, которые применяются в нашем роду, в нашем народе, — они передаются из уст в уста. Всё равно маленькими детьми мы ходили на кладбище, также праздники проводили родители, они ставили нас рядышком, и мы всё это видели и слышали» (№ 28, М., 47). Тем не менее в организационной части используется и русский язык, поскольку моления привлекают в том числе и марийцев, не владеющих этническим языком, которые, однако, испытывают духовную потребность в единении с верой предков: «Корни меня тянут» (№ 19, Ж., 53). Моления в священной роще посещают также и опрошенные нами луговые марийцы, уроженцы Республики Марий Эл. Подчеркнем, что в священной роще *күсото* происходит не только священнодействие, но и кооптация неофитов в конфессиональную общину [Шкалина 2019: 158], и роль башкирских марийцев в выборке в связи с этим представляется значительной.

Как было отмечено в [Куцаева 2023г: 334], сакральная функция марийского языка в большей степени реализуется именно в башкирской части выборки, а также среди опрошенных — выходцев из Моркинского и Сернурского районов Республики Марий Эл, где тоже сохранилась марийская традиционная религия.

3.3. Сфера семейного общения: речевые практики и языковые идеологии

Во внутрисемейной сфере марийский используется в общении со старшими родственниками и между супругами, состоящими в этническом браке. Однако, если супруг респондента, будучи этническим марийцем, в силу каких-то причин (родился в городе; в детстве проживал в другом регионе, вне компактного расселения марийцев; лишь один из его родителей являлся этническим марийцем и др.) не владеет марийским в достаточной степени, коммуникация в основном осуществляется на русском языке, за исключением ситуаций, когда марийский используется ими в функции тайного языка или в эмоциональной функции. В этнически смешанном браке респонденты общаются на русском языке.

К сказанному выше следует добавить, что «общение на марийском языке в семье», о котором говорили участники опроса, имеет свои нюансы. Взаимодействие на марийском происходит между супругами, одинаково хорошо владеющими языком. В выборке у всех состоящих в браке респондентов (в разных когортах) есть дети, поэтому расширенные речевые практики (между родителями и детьми) внутри семьи корректируются, стремительно смещаясь в сторону коммуникации на русском. «Дома на марийском с женой. А с детьми... Вот честно сказать — на русском! Если вместе мы за столом, то на русском. Ну если вдвоем, то и на марийском болтаем» (№ 23, М., 44). «Знаете, как получается: я поворачиваюсь к маме, говорю на марийском. Тут же поворачиваюсь к детям и говорю на русском. Автоматом. И мама так же. Даже если меня дети просят: “Мам, говори с нами на марийском!”, я даже переключиться не могу,

мне тяжело переключиться на марийский язык. С мамой я говорю на марийском, к детям поворачиваюсь, говорю на русском. Мама пять лет жила, на зиму приезжала. С нами в Москве. С мамой только на марийском. А с детьми на русском. Младшая вообще не понимает, как-то, видимо, упустили» (№ 57, Ж., 38). Причины непередачи марийского и выбора в пользу русского были ярко описаны одной из наших респонденток: «Когда у нас дети появились и нужно было водить в детский садик, мы автоматически, видимо, не знаю, на каком уровне — на подсознательном или каком, перешли на русский язык. Чтобы ребенок знал русский язык, разговаривал на русском языке. То есть первые буквы, первые лепетания были на русском языке. Видимо, на подсознательном уровне это пошло. Именно я помню рождение детей. Хотели детям успеха. Чтобы без акцента ребенок разговаривал. Чтобы он чувствовал себя в своей стихии. А не каким-то отверженным. Потому что так было удобнее и нужно просто. Насколько я знаю, ни у меня, ни у моих подруг другого варианта не было. Мы все разговаривали дома на русском языке из-за детей исключительно!» (№ 25, Ж., 61). Другой респондент, представитель средних когорт, также отметил, что попытки разговаривать с детьми в младенчестве на марийском сошли на нет, как только дети стали посещать детский сад, где языком общения является русский. В дальнейшем марийский едва ли употреблялся им в общении с детьми в собственно коммуникативной функции (скорее в качестве шутки, в эмоциональной функции). Третья респондентка, состоящая в этнически смешанном браке и воспитывающая двоих детей дошкольного и младшего школьного возраста, заявила о том, что дома на марийском ей разговаривать не с кем. Таким образом, семейные языковые практики (выбор языка общения, воспитания, язык первичной социализации ребенка) подвержены влиянию внутренних и внешних факторов: миграция, экзогамия, язык воспитания в детском саду, язык обучения в школе, влияние сверстников, сиблингов и др. [Spolsky 2009: 15—20].

В большинстве случаев — в силу господствующей идеи относительно уместности использовать язык там, где на нем принято разговаривать, т. е. идеологии аутентичности, о которой мы говорили ранее, — опрошенные полагаются на марийскую деревню. По их мнению, деревня способна создать детям на летних каникулах соответствующую языковую среду, погружение в которую позволит тем овладеть марийским [Куцаева 2021б: 51]. О трудностях, связанных в настоящее время с передачей этнического языка в деревне («Марийский к ним не прилепился», — заметил один из респондентов), и необходимости пересмотра текущих практик (в частности, надежд, возлагаемых некоторыми респондентами исключительно на марийскую деревню) мы подробно рассказывали в другой нашей работе [Куцаева 2023в].

Когда дети вырастают и покидают родительский дом, речевые практики в марийской семье, проживающей в московском регионе, могут снова претерпевать изменения: «С супругом мы в основном сейчас на марийском разговариваем. Сейчас мы вдвоем живем на даче. То есть дети сейчас выросли, мы снова на марийском! Обратно. У старых, говорят, как у младенцев, возвращается всё старое (смеется. — М. К.)! Если дети приезжают, то мы на русском разговариваем. Исключительно» (№ 24, Ж., 61).

Подчеркнем, что в целом все опрошенные как в «башкирской», так и в общей марийской выборке демонстрируют положительное отношение к этническому языку, уровень языковой лояльности в выборке заметно высокий [Куцаева 2020в: 128]. Тем не менее позитивное отношение к языку не всегда является гарантом положительных речевых практик, поощряющих употребление миноритарного языка [Dołowy-Rubińska, Hornsby 2021: 113]. Публично транслируемое положительное отношение к языку (в нашей выборке респонденты высказались в поддержку идеи организации курсов марийского в Москве, одобрительно относятся к звучащей в пространстве московского региона марийской речи и пр.) не соотносится с внутренним (личным) отношением к перспективе передачи этнического языка детям. Такое отношение может быть порождено травмирующим опытом [ibid.], чувством стыда и стеснения [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 65—66] (см. «чтобы без акцента, чтобы в своей стихии, чтобы не чувствовать себя отверженным» в цитате выше), сформированными в том числе вследствие культурного, политического, экономического господства [Austin, Sallabank 2021: 5].

Обосновавшись в полиэтническом пространстве мегаполиса, респонденты, уроженцы сельской среды, в большей степени полагаются на существующие «городские» модели («в городе по-русски, а в деревню поедут — там всё по-марийски»). Таким образом, в языковом сообществе формируются *стратегии избегания*, характерные и для представителей других миноритарных языков, нередко находящихся под угрозой исчезновения. Предполагается, что появится некто третий и решит вопросы, связанные с сохранением и поддержанием языка, сами же члены сообщества не предпринимают личных усилий и инициатив. Молодые родители, свободно владеющие языком, не замечают прямой связи между речевыми практиками и трансмиссией языка, не используют свой язык в общении с подрастающим поколением, полагая, что дети каким-то чудесным образом выучат язык по другому каналу или что язык сохранится только потому, что кто-то еще его где-то употребляет [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 69]. Между тем семья, внутрисемейное общение, межпоколенческая передача материнского

языка от родителей детям являются ключевыми (стадия 6 шкалы GIDS)¹⁵ [Fishman 2001: 466; Spolsky 2021: 24].

Под влиянием идей постмодернизма многие современные исследователи не рассматривают идентичности в качестве фиксированных, формальных реальностей (какими они виделись ранее — язык как символ этнической или национальной идентичности, например, в работах Дж. А. Фишмана) — идентичность, напротив, стала изменчивой, подвижной, сконструированной. Вероятно, с таких позиций можно объяснить парадокс, когда многие носители исчезающих языков заявляют о своей самоидентификации с языком и при этом не передают его детям. Высказываются даже мнения о том, что чувство этнической принадлежности может сохраниться при полной утрате языка. Тем не менее в эпоху глобализации вопрос сохранения региональной идентичности становится все более актуальным. Язык — один из способов конструирования идентичности [Austin, Sallabank 2021: 8—9]. Как было указано выше, язык является в выборке одним из ключевых маркеров этнической идентичности, одной из центральных ценностей (в терминологии Е. Смолича). Кажется, именно отсутствие этнического языка в лингвистическом багаже в поколении детей опрошенных помогает объяснить ситуацию, с которой пришлось столкнуться исследователю: активно принимая участие в социолингвистическом обследовании, респонденты первого поколения в общей выборке тем не менее неохотно предоставляли для интервью контакты своих детей, которые родились и выросли в Москве, иногда ссылаясь на их занятость, особенности характера («стеснительный», «неразговорчивый»). В подавляющем большинстве случаев опрошенные так характеризовали своих детей: «мариец без языка», «безязыковый мариец», «он русский, он не знает марийского языка», «старшая дочка — русская марийка, сын — уже сплошной русский», косвенно подчеркивая статус марийского языка в качестве базового маркера принадлежности к группе. Это же подтверждается бытующим в марийском сообществе среди луговых марийцев выражением *марий ватын руш ўдыржѳ* ('русская дочка марийской женщины') и *марий ватын руш эргыже* ('русский сын марийской женщины') [Куцаева 2020в: 145]. В сообществе марийцев Башкортостана, не знающих этнического языка марийцев, называют *аракма марий* ('дряблый, плохой мари') (№ 24, Ж., 61).

3.4. Выводы

Таким образом, башкирские марийцы в выборке являются активными членами марийской диаспоры московского региона, принимают деятельное участие в инициативах марийского землячества, играют подвижническую роль в распространении знаний о марийской традиционной религии, подлинными хранителями которой они себя считают, приобщают к традиционной духовной культуре представителей других субэтнических групп. Респонденты демонстрируют высокий уровень языковой лояльности, позитивное отношение к марийскому языку, ключевому маркеру этнической идентичности. Тем не менее, как и в случае опрошенных в общей выборке, сферы использования этнического языка марийцами в «башкирской» части выборки заметно сужаются в условиях дисперсного проживания в новой диаспоре

¹⁵ Предложенная в [Fishman 2001: 466—474] шкала GIDS (Graded Intergenerational Disruption Scale) дифференцирует различные стадии обращения вспять языкового сдвига (Reversing language shift). Точкой опоры шкалы GIDS является, как правило, стадия 6 (дом, семья, соседи, сообщество), т. е. важнейшее звено в межпоколенческой передаче материнского языка [ibid.: 467]. Шкала, по замыслу автора, читается снизу вверх:

1. Использование языка в сфере образования, СМИ и государственного управления на общенациональном уровне.
2. Использование языка в сфере СМИ и управления на местном / региональном уровне.
3. Использование языка в рабочей сфере на местном / региональном уровне как носителями языка X, так и носителями языка Y (доминирующего языка, в терминологии Дж. А. Фишмана. — М. К.).
4. Частичное использование языка X (язык обучения) в государственных школах.
 - 4а. Использование языка X в условиях дополнительного образования.
- II. Усилия по преодолению диглоссии
5. Обучение представителей всех возрастов грамотности на языке X в рамках дополнительного образования.
6. Использование языка представителями компактно проживающего сообщества (дом — семья-соседи-сообщество): базис передачи материнского языка.
7. Использование языка X преимущественно пожилыми членами сообщества в рамках культурных мероприятий.
8. Реконструкция идентичности носителей X и изучение языка X в зрелом возрасте в качестве второго языка.
- I. Усилия по достижению диглоссии

в мегаполисе, особенно во внутрисемейной сфере, что обусловлено влиянием внутренних и внешних факторов, глубинных языковых идеологий. Непосредственная передача материнского языка в семье от родителей детям фактически прерывается. Марийская деревня в местах компактного проживания марийцев в настоящее время также не способна в полной мере оправдать возложенные на нее городскими марийцами надежды, поскольку сама находится в состоянии языкового сдвига, также испытывая влияние внешних факторов (об этом см., например, [Куцаева 2023б: 69—71]). Существенным представляется приобщение детей к культурным формам. Соблюдение кулинарных традиций, изучение песенной марийской культуры, знакомство с народно-праздничной культурой, участие в культурно-массовых и досуговых мероприятиях марийцев Москвы и пр. рассматриваются респондентами в качестве одного из факторов, способного продлить жизнь языка в диаспоре в последующем поколении [Куцаева 2021б: 50—51]). Однако первостепенной является *витальность* языка в качестве важнейшей характеристики живого языка [Spolsky 2009: 17]. Витальность языка в диаспоре обеспечивается не только за счет расширения круга носителей из числа вновь прибывших внутренних мигрантов из Башкортостана, но и в перспективе должна поддерживаться естественным образом — путем межпоколенческой передачи языка. Очерченный круг актуальных проблем, стоящих перед марийской диаспорой московского региона в целом и башкирскими марийцами в частности, ставит под сомнение возможность сохранения границ этнической группы уже в следующем поколении диаспоры.

4. Заключение

Основная цель настоящей работы заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка, изучения вопроса сохранности языка и этнокультуры в условиях перемещения группы из старой диаспоры в новую. Материалом послужили анкетные данные 18 респондентов в выборке, уроженцев Республики Башкортостан, полученные в ходе социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона в 2019—2021 гг.

Ареал компактного расселения марийцев в Прикамье и Приуралье образовался в XVI—XVIII вв. и является *старой* марийской диаспорой за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл, тогда как диаспора в московском регионе сложилась относительно недавно и представляет собой *новую* диаспору, члены которой проживают дисперсно. Кроме того, большинство представителей диаспоры Башкортостана, несмотря на ускоренные темпы урбанизации и миграции в том числе в другие регионы, являются сельскими жителями, тогда как члены марийской диаспоры московского региона, представители трех субэтнических групп марийцев, проживают в условиях города. Наконец, меняется и статус марийского языка: в Республике Марий Эл марийский (горный и луговой) — один из государственных языков наряду с русским; в Республике Башкортостан, где марийцы проживают компактными группами, марийский является языком населения, живущего за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований; в московском регионе марийский язык становится миноритарным. Научный интерес, таким образом, представляет изучение условий бытования этнического языка в старой и новой диаспорах на материале анкетных данных башкирских марийцев в выборке.

Автор исходил из предпосылки, что актуальное использование этнического языка в московском регионе определяется среди прочего и лингвистическим багажом, с которым приехали опрошенные. В связи с этим первая часть статьи была посвящена изучению лингвистических биографий респондентов. Выделение периодов и общих черт языковых биографий респондентов: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык обучения и предмет обучения), дальнейшее образование, язык общения с соседями на малой родине — позволило реконструировать языковые биографии опрошенных. Поскольку настоящая работа является частью цикла статей, связанных с описанием языковых биографий респондентов в выборке (ранее были опубликованы материалы о языковых биографиях луговых, горных, а также уральских марийцев), автору представилась возможность сравнить полученные данные, с одной стороны, в отношении ситуации с республиканскими марийцами, с другой стороны — с представителями старой марийской диаспоры из ряда районов Свердловской области.

Тесные контакты с проживающими в Башкортостане татарами влияют на набор языков, которыми владеют респонденты, большая часть участников опроса заявила о владении (знании) татарским, что воспринимается респондентами как норма, тогда как в «луговой» части выборки о владении (знании) татарским — часто в поколении родителей или самом старшем поколении в семье — заявили лишь уроженцы нескольких сопредельных с Татарстаном районов Республики Марий Эл. Тем не менее, согласно результатам в выборке, число башкирских марийцев, владеющих татарским, постепенно снижается ввиду прекращения ведения совместной хозяйственной деятельности, характерной, например, для советского

времени, а также формирования в рамках системы образования полиэтнических классов с русским языком обучения. Общими — как для ситуации с марийским в Республике Марий Эл, так и в регионах проживания старых марийских диаспор — являются проблемы, связанные с функционированием марийского в сфере образования, например, с сокращением часов, выделенных на обучение на марийском языке и преподавание марийского в качестве предмета изучения, что подтвердилось, в частности, архивными материалами из фондов ГКУ Национальный архив Республики Башкортостан и ГБУ Государственный архив Республики Марий Эл, а также сведениями, собранными в ходе полевой работы в местах компактного проживания марийцев в Свердловской области.

Кроме того, важным представляется место проживания респондента на малой родине — как в Республике Марий Эл, так и в Республике Башкортостан. Уроженцы городской среды с детства воспитывались на русском языке, возможным каналом освоения этнического языка считалась марийская деревня. Языком внутрисемейного общения, воспитания для уроженцев сельской среды, особенно в небольших населенных пунктах, выступал марийский язык, каналом освоения русского являлись: школьное обучение, миграции, контакты с городскими детьми, контакты с работниками сельского совета, фельдшерско-акушерского пункта, потребление культуры на русском языке. Уроженцы райцентров в большей степени использовали русский язык и в общении с соседями, и во внутрисемейном общении — несмотря на тот факт, например, что население райцентра, расположенного в с. Мишкино, — преимущественно марийское. Речевые практики, описанные респондентами («в деревне по-марийски, в городе (им считается и райцентр. — М. К.) по-русски»), типичны и для представителей других исследуемых нами групп марийцев и обусловлены воздействием языковых идеологий аутентичности (легитимности), фактически «приковывающей» язык к сельской местности, и идеологии анонимности, которую выбирают говорящие на больших языках в городской среде.

Вследствие миграций в новую диаспору дисперсного типа, образовавшуюся в течение XX—XXI вв. в Москве и Московской области, сферы употребления опрошенными марийского в урбанистической среде резко сокращаются под влиянием внешних и внутренних факторов: отсутствие юридического статуса марийского в московском регионе, статус марийского языка как миноритарного, отсутствие преподавания марийского в системе школьного образования; межэтнические браки, браки с марийцами, не владеющими этническим языком; взаимодействие с представителями других субэтнических групп — носителями идиомов, взаимопонимаемость между которыми не всегда высокая; повсеместная распространенность русского языка, влияние русского языка в качестве языка воспитания в детском саду, языка обучения в школе, языка общения со сверстниками на речевые практики младшего поколения в семье; влияние языковых идеологий и пр. Тем не менее в ряде сфер: повседневно-бытовой, дружеской, семейной, культурно-досуговой и общественной, религиозной — употребление марийского сохраняется. В общественной, досуговой и религиозной сферах башкирские марийцы составляют крепкий костяк сообщества марийцев Москвы. Языковая активность башкирских марийцев в настоящее время обусловлена также влиянием фактора полиэтничности при формировании их языковых биографий.

Общим слабым местом для опрошенных в этой части выборки и респондентов в целом является низкая степень использования марийского во внутрисемейной сфере: говоря на марийском между собой, родители, однако, не передают этнический язык детям, едва ли используя его в собственно коммуникативной функции с детьми в том числе ввиду указанных выше факторов. Другие причины, способствующие, по мнению опрошенных, освоению детьми марийского — посещение марийской деревни и приобщение к культурным формам, — оказываются несостоятельными и малоэффективными без поддержания этнического языка во внутрисемейном общении.

В заключение подчеркнем, что этнический язык является одним из базовых маркеров этнической идентичности в выборке и вымывание марийского из языковых биографий детей, де факто представителей второго поколения диаспоры, делает возможность их будущего членства в диаспоре проблематичной, а значит, перспективу утраты границ этнической группы башкирских марийцев во втором поколении диаспоры — вполне реальной.

Л и т е р а т у р а

Баскаков, Насырова 2000 — А. Н. Баскаков, О. Д. Насырова. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34—129.

Беликов, Крысин 2016 — В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.

Бирский филиал — Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий. URL: <https://www.birsk.ru/node/36>

Благовещенский педагогический колледж — Благовещенский педагогический колледж. URL: https://bpbk-rb.ucoz.ru/index/marijskoe_otdelenie/0-55

ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul, 2010.

Государственная программа — Государственная программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550170767>

ДАК — Дискуссионно-аналитический клуб по вопросам языковой политики. «Северо-западный диалект башкирского языка: социокультурный аспект» / Видеозапись 12-го заседания клуба. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211126_daclp_video

Демоскоп — Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6

Закон РБ о языках — Закон Республики Башкортостан от 15.02.1999 № 216-з «О Языках народов Республики Башкортостан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425?ysclid=lkoc2lmsv429172905>

Закон РМЭ о языках — Закон Республики Марий Эл от 26.10.1995 г. № 290-III «О языках в Республике Марий Эл». URL: <https://base.garant.ru/20896626/?ysclid=lkfo29wdye655360858>

Закон РФ о языках — Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-I. «О языках народов Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/?ysclid=lkfo0vnm1h247729371

Кондрашкина 2008 — *Е. А. Кондрашкина*. Динамика функционального развития марийского языка. М.: Институт языкознания РАН, 2008.

Конституция Республики Башкортостан — Конституция Республики Башкортостан. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256>

Куцаева 2020а — *М. В. Куцаева*. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона // Урало-алтайские исследования. 2020, 4 (39). С. 7—23.

Куцаева 2020б — *М. В. Куцаева*. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Куцаева 2020в — *М. В. Куцаева*. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020, 2. С. 124—150.

Куцаева 2021а — *М. В. Куцаева*. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, 2. С. 5—34.

Куцаева 2021б — *М. В. Куцаева*. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 3 (33). С. 49—58.

Куцаева 2022 — *М. В. Куцаева*. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022, 1 (44). С. 116—153.

Куцаева 2023а — *М. В. Куцаева*. Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2023, 1 (48). С. 53—69.

Куцаева 2023б — *М. В. Куцаева*. Сохранность этнического языка у уральских марийцев // Родной язык. Лингвистический журнал. 2023, 1. С. 44—89.

Куцаева 2023в — *М. В. Куцаева*. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. Вып. 2 (40). С. 65—78.

Куцаева 2023г — *М. В. Куцаева*. «Вера и язык — это наш генный код»: сакральная функция марийского в условиях внутренней диаспоры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, 3. С. 331 — 342.

Марийцы 2013 — Марийцы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013.

Миржанова 2006 — *С. Ф. Миржанова*. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа: Китап, 2006.

НА РБа — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 4707. Л. 7—9, 13, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 40, 44, 52, 53.

НА РБб — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 4883. Л. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 39, 38, 40, 44, 53, 54.

НА РБв — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5188. Л. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 38а, 40, 44, 52, 53.

НА РБг — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5442. Л. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 33, 39, 41, 45, 53, 54.

НА РБд — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5679а. Л. 8—10, 14, 16, 18, 23, 28, 30, 31, 34, 40, 42, 46, 54, 55.

НА РБе — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5872. Л. 7, 9, 11, 14, 15, 19, 23, 30, 31, 33, 39, 43, 45, 54, 55.

- НА РБж — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 6208. Л. 4, 37, 6, 39, 7, 8, 44, 12, 14, 52, 17, 20, 24, 61.
- НА РБз — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 6889. Л. 11—13, 18, 20, 30, 40, 42, 47, 56, 58, 64, 74—75.
- Попов 2002 — *Н. С. Попов*. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность) / Науч. ред. *Н. С. Попов*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. С. 92—120.
- Садиков 2016 — *Р. Р. Садиков*. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016.
- Сафин и др. 2022 — *Ф. Г. Сафин, Э. Ф. Идрисова, А. И. Халиulina*. Тенденции развития малочисленных языков в сфере школьного образования в многонациональном регионе (на примере марийского языка в Башкортостане) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, 2. С. 357—363.
- Сафин, Сиразетдинов 2020 — *Ф. Г. Сафин, К. О. Сиразетдинов*. Марийцы Башкортостана в 1970—2010 годы: демографические и лингвистические аспекты этнического развития. Научный диалог. 2020, 6. С. 434—452.
- Сепеев 1975 — *Г. А. Сепеев*. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1975.
- Сепеев 2006 — *Г. А. Сепеев*. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006.
- Смолич 2012 — *Е. Смолич*. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [Пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 402—432.
- ССТ 2006 — Словарь социолингвистических терминов / В. Ю. Михальченко (отв. ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2006.
- Съезды 2008 — Съезды народа мари: документы и материалы. 1917—2004 гг. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2008.
- Фишман 2012 — *Дж. А. Фишман*. Кто говорит на каком языке, с кем и когда? // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [Пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 63—83.
- Шкалина 2019 — *Г. Е. Шкалина*. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019.
- Austin, Sallabank 2021 — *P. K. Austin, J. Sallabank*. Introduction // P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2021. P. 1—24.
- Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — *N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer*. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). Endangered languages: Current Issues and Future Prospects. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.
- Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021 — *N. Dołowy-Rybińska, M. Hornsby*. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // J. Olko, J. Sallabank (eds.). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 104—116.
- Fishman 2001 — *J. A. Fishman*. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
- Grenoble, Whaley 2006 — *L. A. Grenoble, L. J. Whaley*. Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization. Cambridge University Press, 2006.
- Smith-Christmas et al. 2018 — *C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty* (eds.). New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. Palgrave Macmillan, 2018.
- Spolsky 2009 — *B. Spolsky*. Language Management. Cambridge University Press, 2009.
- Spolsky 2021 — *B. Spolsky*. Rethinking Language Policy. Edinburgh University Press, 2021.

References

- Austin, Sallabank 2021 — *P. K. Austin, J. Sallabank*. Introduction. In: P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2021. P. 1—24.
- ARC 2020 — Vserossijskaja perepis' naselenija 2020 goda {The All-Russian Census of 2020.} URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul, 2010.
- Baskakov, Nasyrova 2000 — *A. N. Baskakov, O. D. Nasyrova*. Jazykovye situacii v tjurkojazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (kratkij sociolingvisticheskiy ocherk). In: Jazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ja: status i funkcii. Moskva: Editorial URSS, 2000. S. 34—129. {A. N. Baskakov, O. D. Nasyrova. Language situations in Turkic-speaking republics of the Russian Federation (a brief sociolinguistic outline). In: Languages of the Russian Federation and newly formed neighbouring countries: status and functions. Moscow: Editorial URSS, 2000. P. 34—129.}

Belikov, Krysin 2016 — V. I. Belikov, L. P. Krysin *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury*. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Uright, 2016. {V. I. Belikov, L. P. Krysin. *Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree*. 2nd ed. Moscow: Uright, 2016.}

Birskij filial — Birskij filial Ufimskogo universiteta nauki i tehnologij. {Birsk Department of Ufa University of Science and Technology.} URL: <https://www.birsk.ru/node/36>

Blagoveshchenskij pedagogicheskij kolledzh — Blagoveshchenskij pedagogicheskij kolledzh. {Blagoveshchensk pedagogical college.} URL: https://bpk-rb.ucoz.ru/index/marijskoe_otdelenie/0-55

DAC — Diskussionno-analiticheskij klub po voprosam jazykovoj politiki. “Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo jazyka: sociokul'turnyj aspekt”. Videozapis' 12-go zasedaniya kluba. {Discussion and Analytical Club on the Language Policy. “Northwest dialect of the Bashkir language: sociocultural aspect”. 12th DAC meeting.} URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211126_daclp_video

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.

Demoscope — Demoskop weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6

Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021 — N. Dołowy-Rybińska, M. Hornsby. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. In: J. Olko, J. Sallabank (eds.). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University Press, 2021. P. 104—116.

Fishman 2001 — J. A. Fishman. *Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective*. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.

Fishman 2012 — J. A. Fishman. Kto govorit na kakom jazyke, s kem i kogda? In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). *Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija* [per. s angl.]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. S. 63—83. {J. A. Fishman. Who speaks what language to whom and when? In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). *Sociolinguistics and sociology of language. Anthology*. Transl. from English. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. P. 63—83.}

Gosudarstvennaja programma — Gosudarstvennaja programma “Sohranenie i razvitie gosudarstvennyj jazykov Respubliki Bashkortostan i jazykov narodov Respubliki Bashkortostan”. {State Programme “Preservation and Development of State Languages of the Republic of Bashkortostan and Languages of the Peoples of the Republic of Bashkortostan”.} URL: <https://docs.cntd.ru/document/550170767>

Grenoble, Whaley 2006 — L. A. Grenoble, L. J. Whaley. *Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge University Press, 2006.

Kondrashkina 2008 — E. A. Kondrashkina. *Dinamika funkcional'nogo razvitija marijskogo jazyka*. Moskva: Institut jazykoznanija RAN, 2008. {E. A. Kondrashkina. *Dynamics of the functional development of the Mari language*. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2008.}

Konstitucija Respubliki Bashkortostan — Konstitucija Respubliki Bashkortostan. {Constitution of the Republic of Bashkortostan.} URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256>

Kutsaeva 2020a — M. V. Kutsaeva. Mariisko-tatarskie jazykovye kontakty v zerkale jazykovykh biografii mariitsev Moskovskogo regiona. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2020, 4 (39). S. 7—23. {M. V. Kutsaeva. Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow region Mari. In: *Ural-Altaic Studies*. 2020, 4 (39). P. 7—23.}

Kutsaeva 2020b — M. V. Kutsaeva. Funktsionirovanie ehnticheskogo jazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2020. {M. V. Kutsaeva. *Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020.}

Kutsaeva 2020v — M. V. Kutsaeva. Mariitsy Moskvyy: ehnticheskaya identichnost' i jazykovaya lojal'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory. In: *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*. 2020, 2. S. 124—150. {M. V. Kutsaeva. *Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty*. In: *Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal* [Native language. Linguistic journal]. 2020, 2. P. 124—150.}

Kutsaeva 2021a — M. V. Kutsaeva. Novye nositeli marijskogo kak faktor vital'nosti ehnticheskogo jazyka v diaspore. In: *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*. 2021, 2. S. 5—34. {M. V. Kutsaeva. *New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality*. In: *Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal* [Native language. Linguistic journal]. 2021, 2. P. 5—34.}

Kutsaeva 2021b — M. V. Kutsaeva. Rannee osvoenie ehnticheskogo jazyka v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona. In: *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*. 2021. Vyp. 3 (33). S. 49—58. {M. V. Kutsaeva. *Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora*. In: *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. Issue 3 (33). P. 49—58.}

Kutsaeva 2022 — M. V. Kutsaeva. Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rajonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo jazyka v Respublike Marij El). In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2022, 1 (44). S. 116—153. {M. V. Kutsaeva. *Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El*. In: *Ural-Altaic Studies*. 2022, 1 (44). P. 116—153.}

Kutsaeva 2023a — M. V. Kutsaeva. Lingvisticheskie biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhencev Gornomarijskogo rajona Respubliki Marij El). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2023, 1 (48). S. 53—69. {M. V. Kutsaeva. Linguistic biographies of Moscow region Maris — natives of Hill Mari district of the Republic of Mari El. In: Ural-Altaic Studies. 2023, 1 (48). P. 53—69.}

Kutsaeva 2023b — M. V. Kutsaeva. Sohrannost' jetnicheskogo jazyka u ural'skih marijcev. In: Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal. 2023, 1. S. 44—89. {M. V. Kutsaeva. Ethnic language maintenance: the case of the Ural Maris. In: Rodnoi Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2023, 1. P. 44—89.}

Kutsaeva 2023v — M. V. Kutsaeva. Na derevnju nadejsja, a sam ne ploshaj: k voprosu o jazykovyh praktikah i ideologijah v chuvashskoj i marijskoj diasporah Moskovskogo regiona. In: Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2023, 2 (40). S. 65—78. {M. V. Kutsaeva. The village helps those who help themselves: on the question of language practices and ideologies in the chuvash and mari diasporas in the Moscow region. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 2 (40). P. 65—78.}

Kutsaeva 2023g — M. V. Kutsaeva. "Vera i jazyk — jeto nash gennyj kod": sakral'naja funkcija marijskogo v uslovijah vnutrennej diaspory. In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2023, 17 (3). S. 331—342. {M. V. Kutsaeva. "Faith and language are our genetic code": a sacred function of Mari in the conditions of internal diaspora. In: Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2023, 17 (3). P. 331—342.}

Mariitsy 2013 — Mariitsy. Istoriko-ehtnograficheskie ocherki. 2-e izd., dop. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2013. {Maris. Historical-ethnographic outlines. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2013.}

Mirzhanova 2006 — S. F. Mirzhanova. Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo jazyka. Ufa: Kitap, 2006. {S. F. Mirzhanova. Northwest dialect of Bashkir language. Ufa: Kitap, 2006.}

NA RBa — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 4707. L. 7—9, 13, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 40, 44, 52, 53.

NA RBb — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 4883. L. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 39, 38, 40, 44, 53, 54.

tostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5872. L. 7, 9, 11, 14, 15, 19, 23, 30, 31, 33, 39, 43, 45, 54, 55.

NA RBv — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5188. L. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 38, 38a, 40, 44, 52, 53.

NA RBg — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5442. L. 7—9, 13, 15, 17, 22, 27, 29, 30, 33, 39, 41, 45, 53, 54.

NA RBd — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 5679a. L. 8—10, 14, 16, 18, 23, 28, 30, 31, 34, 40, 42, 46, 54, 55.

NA RBe — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of BashkorNA RBz — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 6889. L. 11—13, 18, 20, 30, 40, 42, 47, 56, 58, 64, 74—75.

NA RBzh — Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). {National Archive of the Republic of Bashkortostan.} F. P-798. Op. 1. D. 6208. L. 4, 37, 6, 39, 7, 8, 44, 12, 14, 52, 17, 20, 24, 61.

Popov 2002 — N. S. Popov. K istorii vozrozhdenija marijskich tradicionnyh molenij v konce XX veka. In: Etnicheskaja kul'tura marijcev (tradicii i sovremennost') / [Nauch. red. N. S. Popov]. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2002. S. 92—120. {N. S. Popov. On the history of revitalization of Mari traditional praying at the end of the XX c. In: N. S. Popov (ed.). Ethnic Mari culture (traditions and modernity). Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2002. P. 92—120.}

Sadikov 2016 — R. R. Sadikov. Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istorija, kul'tura, demografija). Ufa: OOO Pervaja tipografija, 2016. {R. R. Sadikov. Finno-ugric peoples in the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography). Ufa: OOO Pervaja tipografija, 2016.}

Safin i dr. 2022 — F. G. Safin, E. F. Idrisova, A. I. Khaliulina. Tendencii razvitija malochislennyh jazykov v sfere shkol'nogo obrazovanija v mnogonacional'nom regione (na primere marijskogo jazyka v Bashkortostane). In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2022. T. 16, 2. S. 357—363. {F. G. Safin, E. F. Idrisova, A. I. Khaliulina. Trends in the development of small-numbered languages in the field of school education in a multinational region (on the example of the mari language in Bashkortostan). In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2022. Vol. 16, 2. P. 357—363.}

Safin, Sirazetdinov 2020 — F. G. Safin, K. O. Sirazetdinov. Marijcy Bashkortostana v 1970—2010 gody: demograficheskie i lingvisticheskie aspekty jetnicheskogo razvitija. Nauchnyj dialog. 2020, 6. S. 434—452. {F. G. Safin, K. O. Sirazetdinov. Mari of Bashkortostan in 1970—2010: Demographic and linguistic aspects of ethnic development. In: Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]. 2020, 6. P. 434—452.}

Sepeev 1975 — G. A. Sepeev. Vostochnye mariitsy: istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX — nachalo XX vv.). Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. {G. A. Sepeev. Eastern Maris: historical-ethnographic study of material culture (middle of XIX — beginning of XX centuries). Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975.}

Sepeev 2006 — G. A. Sepeev. Istorija rasseleniya mariitsev. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2006. {G. A. Sepeyev. History of Maris' settlement. Yoshkar-Ola: MarNIIALI, 2006.}

S'ezdy 2008 — S'ezdy naroda mari: dokumenty i materialy. 1917—2004. Yoshkar-Ola: Tsentr-muzej im. Valentina Kolumba, 2008. {Congresses of Mari people: documents and materials. 1917—2004. Yoshkar-Ola: Tsentr-muzej im. Valentina Kolumba, 2008.}

Shkalina 2019 — G. E. Shkalina. Svjashhennyj mir marijskij. Yoshkar-Ola: Izdatel'skij dom "Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo", 2019. {G. E. Shkalina. Sacred Mari world. Yoshkar-Ola: Izdatel'skij dom "Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo", 2019.}

Smith-Christmas et al. 2018 — C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty (eds.). New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. Palgrave Macmillan, 2018.

Smolicz 2012 — J. Smolicz. Jazyki men'shinstv kak central'nye cennosti jetnicheskikh kul'tur. In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija [per. s angl.]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. S. 402—432. {J. Smolicz. Minority languages as core values of ethnic cultures. In: N. B. Vahtin (ed-in-chief). Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija [per. s angl.] [Sociolinguistics and sociology of language. Anthology. Transl. from English]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. P. 402—432.}

Spolsky 2009 — B. Spolsky. Language Management. Cambridge University Press, 2009.

Spolsky 2021 — B. Spolsky. Rethinking Language Policy. Edinburgh University Press, 2021.

SST 2006 — Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov / Otv. red. V. Yu. Mikhajchenko. Moskva: Institut jazykoznanija RAN, 2006. {Dictionary of sociolinguistic terms / Ed. V. Ju. Mikhajchenko. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2006.}

Zakon RB o jazykah — Zakon Respubliki Bashkortostan ot 15.02.1999 № 216-z "O Jazykah narodov Respubliki Bashkortostan". {Law of the Republic of Bashkortostan № 216-3 accepted on 15.02.1999 "On the Languages in the Republic of Bashkortostan".} URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425?ysclid=lkoct2lmsv429172905>

Zakon RF o jazykah — Zakon Rossijskoj Federacii ot 25.10.1991 № 1807-I "O jazykah narodov Rossijskoj Federacii". {Law of the Russian Federation № 1807-I accepted on 25.10.1991 "On the languages of the peoples of the Russian Federation".} URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/?ysclid=lkfo0vnm1h247729371

Zakon RME o jazykah — Zakon Respubliki Marij El ot 26.10.1995 № 290-III "O jazykah v Respublike Marij El". {Law of the Republic of Mari El № 290-III accepted on 26.10.1995 "On the languages in the Republic of Mari El".} URL: <https://base.garant.ru/20896626/?ysclid=lkfo29wdye655360858>